

A close-up portrait of a woman with light skin and blonde hair. A vertical crack runs down the center of her face. Her right eye is replaced by a glowing blue digital eye with orange and blue light patterns. A pinkish-red energy trail extends from the eye. The background is dark with blurred blue and orange lights.

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ТОПОЛОГИЯ
УБЕЖДЕНИЯ

Эдуард Сероусов

Топология убеждения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73177178

SelfPub; 2026

Аннотация

2089 год. Одиннадцать лет без войн. Искусственный интеллект «Логос» способен убедить любого человека в чём угодно – не ложью, а идеально подобранной правдой. Элис Морган создала эту систему. И использовала её против собственного сына. Теперь, когда мир готовится принять «Опекуна» – программу превентивного формирования сознания – у Элис есть шесть часов, чтобы остановить неизбежное. Но единственный способ победить систему – использовать её. Стать тем, с чем борешься. Философский триллер о цене безопасности, иллюзии свободы и вопросе, который невозможно задать: если любое убеждение можно сконструировать – существует ли подлинный выбор?

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Пролог: 47 слов	4
Часть I: Архитектура	28
Глава 1: Мемориал	28
Глава 2: Женева, 2079	57
Глава 3: Белый куб	88
Глава 4: Оператор	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Топология убеждения

Пролог: 47 слов

Женева, 7 марта 2076 года 14:47 по центральноевропейскому времени

Позже Сара Чен напишет, что в тот день она впервые поняла значение слова «тишина».

Не отсутствие звука – в зале Совета Безопасности ООН хватало шума: шорох бумаг, приглушённый кашель, электрический гул систем жизнеобеспечения бункера, в который эвакуировали делегатов шестнадцать часов назад. Тишина была другой. Она жила в глазах людей. В том, как четыреста семнадцать человек – дипломаты, переводчики, технический персонал, охрана – смотрели на экран и не могли произнести ни слова.

Сара работала корреспондентом Reuters уже одиннадцать лет. Освещала гражданскую войну в Мьянме, эпидемию H7N9, Калифорнийское землетрясение. Она видела, как люди умирают, как рождаются, как теряют всё. Но никогда не видела того, что происходило сейчас.

На экране генерал Пак Чон Хо – командующий Стратегическими силами Корейской Народно-Демократической Рес-

публики – сидел неподвижно, как статуя. Его правая рука лежала на пульте управления. Три пальца – указательный, средний и безымянный – находились в миллиметре от сенсорной панели.

Семнадцать боеголовок по двести пятьдесят килотонн каждая. Сеул, Токио, Осака, Окинава. Американские базы в Южной Корее и Японии. Расчётное время удара – одиннадцать минут. Расчётные жертвы – от сорока двух до шестидесяти миллионов человек в первые сутки.

Сара знала эти цифры наизусть. За последние шестнадцать часов она слышала их так часто, что они потеряли смысл. Шестьдесят миллионов – это не люди. Это статистика. Абстракция. Мозг отказывался переводить числа в лица, в детей, в стариков, в влюблённых, которые никогда не проснутся.

Генерал Пак не двигался уже четыре минуты.

Сара посмотрела на своё запястье – старая привычка, хотя часов там давно не было. Время отображалось в углу её визора: 14:47:33. Она записывала всё: каждое движение, каждый вздох. Прямая трансляция шла на три миллиарда устройств по всему миру. Люди смотрели из бомбоубежищ, из квартир, из машин, застрывших в пробках на выезде из городов.

Мир ждал.

Конфликт начался одиннадцать дней назад – или шестьдесят три года, если считать с момента перемирия 1953-го. Детонатором послужил инцидент в Жёлтом море: северокорей-

ская подводная лодка столкнулась с американским эсминцем «Джон Маккейн». Обе стороны обвинили друг друга в провокации. Через шесть часов Пхеньян объявил о выходе из всех соглашений о нераспространении. Через двенадцать – американский спутник зафиксировал активность на ракетных базах.

Дальше всё пошло по сценарию, который специалисты по безопасности называли «эскалационной спиралью». Каждый шаг казался логичным ответом на предыдущий. Каждый ответ требовал следующего. К утру третьего дня северокорейские войска перешли демилитаризованную зону. К вечеру пятого – сеульский метрополитен превратился в самое большое бомбоубежище в истории человечества.

Сара прилетела в Женеву на седьмой день. К тому моменту прямые переговоры провалились трижды.

Сейчас она стояла у стены, между делегацией Бразилии и техническим блоком, и смотрела на экран. Изображение было безупречно чётким – военная спутниковая связь, защищённая от глушения. Лицо генерала Пака занимало треть кадра: широкие скулы, глубоко посаженные глаза, морщины вокруг рта, выдававшие возраст. Шестьдесят три года. Ветеран, верный слуга режима, человек, который прошёл путь от рядового до командующего за сорок лет безупречной службы.

Человек, который сейчас держал палец на кнопке.

– Двадцать три минуты до истечения ультиматума, – про-

изнёс кто-то за спиной Сары.

Она не обернулась. Знала, кто говорит – Маркус Вебер, заместитель генерального секретаря по политическим вопросам. Его голос звучал ровно, почти буднично. Профессиональная деформация: когда работаешь с кризисами достаточно долго, учишься контролировать интонации.

– Прямая линия по-прежнему открыта? – спросила женщина слева от него. Посол Индии, Приянка Шарма. Сара запомнила её ещё на брифинге вчера – единственная из присутствующих, кто открыто предлагал пойти на уступки.

– Открыта. Они не отвечают.

– С какого момента?

– Сорок семь минут.

Сорок семь минут молчания. Сара записала цифру в блокнот – бумажный, старомодный, привычка из времён, когда электроника могла отказать в самый неподходящий момент. Сорок семь минут – это вечность в дипломатии. Это пропасть.

На экране генерал Пак моргнул. Медленно, как человек, который не спал очень давно.

Сара изучала его досье – часть подготовки к командировке. Родился в 2013-м, в Хамхыне, втором по величине городе Северной Кореи. Отец погиб на принудительных работах, когда Паку было семь. Мать умерла от туберкулёза через два года. Воспитывался в государственном интернате. Вступил в армию в шестнадцать. Первое повышение – в двадцать два,

после «образцового» подавления голодного бунта в провинции Северный Хамгён.

Это был не человек. Это была функция. Шестьдесят три года жизни, посвящённой одной цели: защите режима.

И сейчас эта функция решала судьбу шестидесяти миллионов.

– Система готова?

Голос прозвучал откуда-то из технического блока. Сара повернула голову – и впервые увидела её.

Элис Морган стояла за консолью, которую установили в углу зала шесть часов назад. Высокая, худощавая женщина лет пятидесяти с коротко стриженными волосами, начинавшими сидеть на висках. Она носила простой серый костюм – никаких знаков отличия, никаких бейджей. Рядом с ней мерцало нечто, похожее на голографическую сферу, но Сара не могла разглядеть деталей.

– Готова, – ответила Морган. Её голос был тихим, но каким-то образом перекрыл шум зала. – Ждём разрешения.

– Какова вероятность успеха?

Это спросил кто-то из американской делегации. Сара не узнала голос.

Пауза. Морган посмотрела на свои руки – длинные пальцы, коротко остриженные ногти. Потом подняла взгляд.

– Девяносто три и четыре десятых процента.

Шёпот прокатился по залу – волна, которую невозможно было остановить. Сара почувствовала, как волосы на ру-

ках встают дыбом. Она слышала о проекте «Мост» – слухи циркулировали в журналистских кругах уже два года. Искусственный интеллект для переговоров. Система, которая анализирует когнитивные паттерны и находит «точки резонанса». Большинство считало это городской легендой. Очередная DARPA-фантазия, которая никогда не выйдет за пределы лаборатории.

Но женщина у консоли не была похожа на человека, который блефует.

– Девяносто три процента – это не сто, – произнёс Маркус Вебер.

– Ничто не сто процентов, – ответила Морган. – Кроме термодинамики.

Сара записала фразу. Хорошая цитата. Если они все переживут следующие двадцать три минуты – двадцать одну теперь, – она использует её в статье.

– А если не сработает?

– Тогда он нажмёт кнопку. И мы все будем знать, что пытались.

Сара смотрела на Морган и пыталась прочесть её лицо. Учёные обычно были открытой книгой – слишком заняты своими мыслями, чтобы следить за выражением. Но эта женщина была другой. Её лицо ничего не выдавало. Ни страха, ни надежды. Только сосредоточенность хирурга перед первым разрезом.

– Мне нужно решение, – сказала Морган. – Сейчас.

Генеральный секретарь ООН – Ким Джон Су, ирония истории – сидел в первом ряду. Маленький человек с седыми волосами, который двадцать лет назад преподавал международное право в Сеульском университете. Сара видела его лицо в профиль: напряжённая линия челюсти, прищуренные глаза.

– Что именно вы будете делать? – спросил он. Его английский был безупречен, с едва заметным корейским акцентом.

Морган повернулась к голографической сфере. Прикоснулась к ней – и сфера развернулась в трёхмерную карту человеческого мозга. Сара узнала структуру: миндалевидное тело, гиппокамп, префронтальная кора. Цветные линии соединяли области, пульсируя, как кровеносные сосуды.

– Это когнитивная карта генерала Пака, – сказала Морган. – Построена на основе анализа его публичных выступлений, личных записей, перехваченной корреспонденции и психологического профиля. Система проанализировала триста восемьдесят семь тысяч часов аудио- и видеоматериала и тридцать два миллиона страниц текста.

– Что вы хотите с ней делать?

– Найти слова.

Тишина.

– Слова? – переспросила посол Шарма.

Морган кивнула.

– Генерал Пак – не робот. Он человек. У него есть страхи, надежды, воспоминания. Система анализирует структу-

ру его мышления и находит аргументы, которые резонируют именно с ним. Не с «типичным военным». Не с «представителем северокорейской элиты». С Пак Чон Хо – конкретным человеком.

– Это манипуляция.

– Да.

Сара оценила честность. Большинство на её месте попытались бы смягчить формулировку.

– Какая разница между этим и промыванием мозгов?

Морган повернулась к говорившему – пожилой мужчина из французской делегации, седые усы, орден Почётного легиона на лацкане.

– Система не внедряет ложные воспоминания. Не использует принуждение. Не меняет личность. Она находит аргументы, которые объект *уже* способен принять. Правдивые аргументы. Просто... подобранные.

– Подобранные для чего?

– Для того, чтобы он опустил руку.

Восемнадцать минут.

Сара смотрела на часы в визоре и чувствовала, как время сжимается. Восемнадцать минут – это пятьдесят четыре чашки кофе по двадцать секунд каждая. Восемнадцать минут – это одна серия ситкома без рекламы. Восемнадцать минут – это время, которое средний человек тратит на утренний душ.

Восемнадцать минут – это всё, что отделяло мир от ката-

строфы.

– Действуйте.

Голос генерального секретаря прозвучал ровно. Слишком ровно. Сара видела, как дрожали его руки.

Морган не стала переспрашивать. Она повернулась к консоли и начала работать. Её пальцы скользили по голографическому интерфейсу – быстро, точно, без единого лишнего движения. Когнитивная карта трансформировалась: некоторые области засветились ярче, другие погасли. Линии связей перестраивались, образуя новые узоры.

Сара подошла ближе. Охрана не остановила её – все смотрели на экран.

– Что вы делаете? – спросила она тихо.

Морган не обернулась.

– Ищу точку входа.

– Точку входа?

– Аргумент, с которого начнётся цепочка. Первое слово. Самое важное.

На карте вспыхнула область в левой части мозга – Сара вспомнила: языковые центры.

– Нашла.

– Что это?

– Его мать.

Сара почувствовала, как что-то сжалось в груди.

– Она умерла тридцать лет назад.

– Пятьдесят четыре. Он помнит её голос. Помнит, как она

пела ему перед сном. Помнит последнее, что она сказала: «Живи».

– И вы собираетесь использовать это?

Морган повернулась. В её глазах было что-то, что Сара не могла определить. Не вина. Не торжество. Что-то более сложное.

– Я собираюсь спасти шестьдесят миллионов жизней. Да. Я собираюсь использовать это.

Она отвернулась и вернулась к консоли.

– Связь установлена. Начинаю передачу.

Генерал Пак слышал голос.

Сара не могла знать этого в тот момент – она узнала позже, из рассекреченных записей, из интервью, из сотен часов расследования. Но она видела его лицо на экране. Видела, как изменилось выражение.

Голос говорил на корейском. Женский голос – не старый, не молодой. Синтетический, но идеально модулированный под акцент провинции Южный Хамгён. Акцент его матери.

Сорок семь слов.

Сара не понимала корейского, но позже получила перевод. Официальный, заверенный комиссией ООН:

«Чон Хо. Я знаю, что ты устал. Ты нёс это бремя так долго. Ты был верен – всем, кто требовал верности. Но я никогда не требовала. Я просила только одного. Ты помнишь?»

*Живи. Не умирай за тех, кто никогда не плакал по тебе.
Живи – и позволь жить другим.»*

Сорок семь слов.

Генерал не двигался. Его лицо застыло – как фотография, как маска. Только глаза были живыми. Они смотрели куда-то сквозь камеру, сквозь экран, сквозь тысячи километров пустоты.

Он слышал голос мёртвой матери.

И этот голос был ложью – и правдой одновременно. Синтезированный, искусственный, сконструированный нейросетью на основе трёх записей шестидесятилетней давности. Но слова... слова были настоящими. Она действительно говорила это. Один раз, в больничной палате, за два дня до смерти.

Пак Чон Хо не знал, что кто-то мог это услышать. Он был один. Он держал её руку. Он был девятилетним мальчиком, который не понимал, почему мама больше не встаёт.

«Живи».

Пятьдесят четыре года он выполнял другие приказы.

В зале ООН никто не дышал.

Сара смотрела на экран – и видела, как по лицу генерала текут слёзы. Он не рыдал, не всхлипывал. Просто – слёзы. Они скатывались по морщинам, падали на воротник кителя, оставляя тёмные пятна на ткани.

Его правая рука дрогнула.

Указательный палец – тот, что находился в миллиметре от панели, – согнулся. Медленно. Как во сне.

Рука опустилась.

Генерал Пак закрыл глаза.

Сара ждала аплодисментов. Ждала криков радости, объятий, слёз облегчения. Всего того, что показывают в фильмах, когда кризис заканчивается.

Ничего этого не было.

Зал молчал.

Четыреста семнадцать человек смотрели на экран, где шестидесятитрёхлетний мужчина плакал, слушая голос мёртвой матери, – и не могли произнести ни слова. Потому что все понимали одно и то же.

Как легко.

Сара повернулась к Элис Морган. Та стояла у консоли, сложив руки на груди. Её лицо по-прежнему ничего не выражало.

– Вы довольны? – спросила Сара. Её собственный голос показался ей чужим.

Морган посмотрела на неё.

– Нет.

– Почему?

– Потому что это сработало.

Сара не поняла – в тот момент. Понимание пришло позже. Ночью, когда она сидела в номере женевского отеля и смотрела на город, который всё ещё существовал. На город,

который должен был стать радиоактивным пеплом.

Морган не праздновала победу. Морган оплакивала потерю.

Потерю иллюзии.

До этого дня можно было верить, что человеческое сознание – крепость. Что наши решения принадлежат нам. Что мы – хозяева своих мыслей. Что где-то внутри есть неприкосновенное ядро, которое невозможно взломать.

Сорок семь слов доказали обратное.

Генерал Пак Чон Хо был не слаб и не глуп. Он провёл шестьдесят три года в одной из самых жёстких систем на планете. Его тренировали сопротивляться допросам, пропаганде, психологическому давлению. Он пережил чистки, голод, войны. Он был закалён так, как большинство людей не способны представить.

И его сломали за двадцать три секунды.

Не пытками. Не шантажом. Не угрозами.

Словами.

Правильными словами. Подобранными с хирургической точностью. Вложенными в голос, который он не мог не услышать.

В следующие часы мир праздновал.

Сара смотрела трансляции из разных стран – люди обнимались на улицах, плакали от радости, благодарили всех бо-

гов, в которых верили. Пхеньян отозвал войска. Сеул открыл бомбоубежища. Американские авианосцы развернулись обратно в море.

Кризис закончился.

Но в зале ООН праздника не было. Делегаты расходились молча. Некоторые – Сара видела – избегали смотреть на угол, где стояла консоль Морган. Словно там произошло что-то непристойное. Что-то, чему они были свидетелями, но о чём не хотели помнить.

Сара осталась.

Она подошла к Морган, когда та отключала оборудование. Голографическая сфера схлопнулась в точку и исчезла. Консоль издала тихий звук – как вздох.

– Можно задать вопрос?

Морган продолжала работать.

– Вы журналист. Вы всё равно зададите.

– Сколько времени вы работали над системой?

– Одиннадцать лет. С первого прототипа.

– И всё это время знали, что она может... это?

Морган остановилась. Посмотрела на свои руки – снова этот жест.

– Знала, – сказала она наконец. – С первого дня.

– И вы её всё равно создали.

– Да.

– Почему?

Пауза.

– Потому что кто-то должен был. И лучше я, чем те, кто не будет задавать вопросов.

Сара достала блокнот. Её пальцы не дрожали – журналистская привычка, тело помнило профессию, даже когда разум не справлялся.

– Вы понимаете, что произойдёт дальше?

– Гонка, – сказала Морган. – Каждое правительство захочет свою версию. Каждая корпорация. Каждая секта.

– И вы им дадите?

– Нет. Но это не значит, что они не получат.

– Тогда зачем...

Морган повернулась к ней. В её глазах было что-то новое – усталость, которую Сара не замечала раньше. Усталость человека, который слишком долго нёс слишком тяжёлый груз.

– Шестьдесят миллионов человек живы сегодня, потому что генерал Пак услышал голос своей матери. Это – факт. Всё остальное – философия.

– А если завтра кто-то использует вашу технологию, чтобы убедить шестьдесят миллионов человек в чём-то... другом?

Морган не ответила.

Она собрала оборудование и вышла из зала.

Сара смотрела ей вслед и думала о том, что только что увидела. Рождение нового мира – или его конец. Она ещё не знала, какое слово выбрать.

В официальных документах это событие получило название «Женевский прорыв».

В учебниках истории – «Первая демонстрация технологии ЛОГОС».

В народе – просто «День, когда машина заплакала».

Хотя машина не плакала, конечно. Плакал человек. Шестидесятитрёхлетний генерал, который всю жизнь верил в одно – и в одно мгновение понял, что можно верить в другое.

Не потому что его сломали.

Потому что ему *показали дверь*.

Разница казалась важной – тогда. Через несколько лет она перестанет иметь значение.

Сара Чен опубликовала свой репортаж через сорок восемь часов. «Сорок семь слов, которые изменили мир» – заголовок выбрал редактор, она бы написала иначе. Статью прочитали восемьсот миллионов человек за первую неделю. Сара получила Пулитцеровскую премию, контракт на книгу и депрессию, которая не отпускала три года.

Она брала интервью у десятков участников событий. Дипломатов, военных, технических специалистов. Все говорили одно и то же – разными словами, но суть была одинаковой.

Мы знали, что мир изменился. Мы не знали, как с этим

жить.

Посол Шарма ушла в отставку через полгода. «Я больше не могу вести переговоры, – сказала она Саре на прощальном ужине. – Каждый раз, когда кто-то соглашается со мной, я думаю: это он согласился? Или его *согласили*? Разница имеет значение. По крайней мере, для меня».

Маркус Вебер остался в ООН ещё пять лет. Он возглавил комиссию по регулированию «когнитивных технологий» – бюрократический эвфемизм для того, чему не хотели давать настоящее имя. Комиссия выпустила триста двенадцать рекомендаций, четыре резолюции и один протокол. Ни один из документов не остановил того, что происходило в мире.

Генерал Пак был арестован северокорейскими спецслужбами через шесть часов после инцидента. Официально – за государственную измену. Неофициально – за то, что показал всему миру: даже самые верные можно *переключить*.

Его судили закрытым судом и приговорили к смертной казни. Приговор привели в исполнение через три дня.

Когда Сара узнала об этом, она находилась в аэропорту Сеула. Рейс на Нью-Йорк задерживали – технические неполадки. Она сидела в зале ожидания, смотрела на табло и думала о человеке, которого никогда не встречала лично.

Генерал Пак умер не потому, что проиграл. Он умер потому, что *победил*. Победил систему, которая требовала его смерти вместе с шестьюдесятью миллионами других. Победил себя самого – или был побеждён собой, Сара так и не

решила.

В любом случае, его последний выбор принадлежал не ему.

И это было самым страшным.

Элис Морган исчезла из публичного пространства на два года после Женевы. Ни интервью, ни выступлений, ни статей. Сара пыталась связаться с ней – безуспешно.

Система ЛОГОС была передана под международный контроль. Создали консорциум – представители тринадцати государств, пять учёных-наблюдателей, юридическая комиссия. Протоколы, регламенты, этические кодексы. Всё очень серьёзно. Всё очень бесполезно.

Потому что код уже утёк.

Позже следствие установило: в ночь после Женевского прорыва неизвестные получили доступ к резервной копии системы. Кто именно – выяснить не удалось. Может быть, китайская разведка. Может, частная корпорация. Может, просто талантливый хакер с криптовалютным кошельком.

Через год существовало не менее семнадцати «версий» ЛОГОС – разной степени качества, разной степени этичности. Большинство продавалось на чёрном рынке. Цены начинались от пятидесяти тысяч долларов за «персональный скрипт» – набор аргументов, подобранных под конкретного человека.

Хочешь, чтобы муж согласился на развод? Скрипт.

Хочешь, чтобы босс дал повышение? Скрипт.

Хочешь, чтобы дочь вернулась в колледж? Скрипт.

Рынок рос. К 2080-му его оборот оценивался в сто восемьдесят миллиардов долларов в год. Официальный консорциум контролировал, может быть, десять процентов всех применений системы. Остальное – тень.

Но это всё было потом.

В тот день, 7 марта 2076 года, Сара стояла в опустевшем зале и смотрела на экран, где всё ещё транслировалось изображение из северокорейского бункера. Генерала увели. На его месте сидели другие военные – растерянные, испуганные. Они не знали, что делать. Их командира только что *перубедили* на глазах у всего мира.

Что значит приказ, если разум можно *настроить*?

Что значит верность, если преданность можно *включить*?

Что значит *решение*, если любой выбор можно сконструировать?

Через несколько часов Сара вышла из здания ООН. Женева сияла в мартовском солнце – город, который не знал, как близко был к исчезновению. Люди шли по улицам, сидели в кафе, разговаривали по телефонам. Нормальная жизнь. Драгоценная, хрупкая, невозможная нормальность.

Сара остановилась у фонтана на площади Наций. Вода

блестела на солнце – тысячи капель, взлетающих и падающих, снова и снова.

Она думала о генерале Паке. О его слезах. О голосе мёртвой матери.

Она думала об Элис Морган. О женщине, которая одиннадцать лет строила инструмент и не знала, спасение это или приговор.

Она думала о себе. О том, как стояла в зале и смотрела. Как не остановила. Как не попыталась.

Впрочем – что она могла сделать? Что мог сделать любой из четырёхсот семнадцати свидетелей?

Они видели рождение нового мира. Мира, в котором слова стали оружием. Мира, в котором убеждение – технология. Мира, в котором самое сокровенное – последнее слово умирающей матери – можно извлечь из памяти, синтезировать и использовать.

Мира, в котором *свобода воли* стала вопросом, а не аксиомой.

Сара достала блокнот. Написала одну фразу – и зачеркнула. Написала другую – и тоже зачеркнула.

Наконец оставила только дату.

7 марта 2076 года.

День, когда закончилась война.

День, когда началось что-то другое.

Много позже, в интервью для документального фильма, Сару спросили: если бы она могла вернуться в тот зал, что бы она сделала иначе?

Она долго молчала.

– Ничего, – сказала она наконец. – Я бы не сделала ничего иначе. Потому что в тот момент я не понимала. Никто из нас не понимал.

– Что именно?

– Что мы не зрители. Что мы – следующие.

Она отвернулась от камеры. За окном её квартиры виднелись огни ночного Сиднея – она переехала туда в 2082-м, подальше от Северного полушария, подальше от всего.

– Генерал Пак был не первый. И не последний. Он был просто... демонстрацией. Доказательством концепции. «Смотрите, – сказали они миру. – Смотрите, что мы можем».

– И мир посмотрел.

– Мир посмотрел. И мир... привык.

Она помолчала.

– Это самое страшное, знаете? Не то, что это возможно. А то, как быстро мы перестали удивляться.

В зале Совета Безопасности ООН, в тот мартовский день 2076 года, никто не аплодировал.

Сара запомнила это на всю жизнь.

Четыреста семнадцать человек. Дипломаты, переводчики,

охрана, журналисты. Люди, которые только что увидели, как предотвратили ядерную войну. Люди, которые должны были радоваться, обниматься, плакать от счастья.

Они стояли молча.

Потому что все – каждый по-своему, каждый своими словами – думали об одном и том же.

Если это можно сделать с ним...

То это можно сделать с кем угодно.

В том числе – со мной.

И в этой тишине, в этом зале, среди людей, которые только что стали свидетелями чуда или катастрофы, родился новый мир.

Мир без войн.

Мир без свободы.

Мир, в котором каждое слово – потенциальное оружие.

Мир, в котором никто больше не мог быть уверен, что его мысли принадлежат ему.

Элис Морган стояла у консоли и смотрела на пустой экран.

Она знала, что создала.

И она знала, что пути назад нет.

Часть I: Архитектура

Глава 1: Мемориал

Женева, 14 октября 2089 года 06:00 по центрально-европейскому времени Шесть часов до голосования

Две тысячи пятьсот пятьдесят семь дней.

Элис стояла у окна и считала. Это стало ритуалом – каждое утро, перед тем как открыть глаза, она прибавляла единицу к числу в голове. Арифметика горя: простое сложение, которое никогда не заканчивается.

Сегодня – две тысячи пятьсот пятьдесят восьмой.

За окном Женева просыпалась в предрассветных сумерках. Озеро лежало внизу – тёмное, неподвижное, как зеркало, в котором отражались огни набережной. Октябрь выдался тёплым; климатические системы обещали двадцать два градуса к полудню. Элис не чувствовала температуры. Она вообще мало что чувствовала в последние семь лет – кроме этого тихого, постоянного счёта.

Квартира была слишком большой для одного человека. Сто двадцать квадратных метров на сорок третьем этаже жилого комплекса «Монблан» – привилегия члена Техническо-

го совета Консорциума. Элис никогда не просила такого жилья. Она предпочла бы что-то меньшее, темнее, незаметнее. Но отказ выглядел бы странно. Привлѣк бы внимание. А внимание – последнее, что ей нужно.

Особенно сегодня.

Она отвернулась от окна и прошла через гостиную. Мебель – минималистичная, серая, функциональная – почти не изменилась с момента заселения. Элис не украшала стены, не покупала лишних вещей, не пыталась превратить это место в дом. Дом остался в Эдинбурге, в старом каменном доме бабушки, где пахло торфом и книжной пылью. Дом был там, где Маркус учился ходить, где он впервые сказал «мама», где они спорили о будущем за кухонным столом.

Дом был в прошлом. Здесь – только координаты.

Она остановилась у двери в дальнюю комнату. Не спальня, не кабинет – Элис называла её про себя «мемориалом», хотя никогда не произносила это слово вслух. Дверь была такой же, как все остальные, – гладкая, белая, без ручки. Сенсорный замок распознал её ладонь и беззвучно отъехал в сторону.

Внутри было темно. Элис не стала включать свет.

Голограмма активировалась автоматически, реагируя на её присутствие. Мягкое синее свечение заполнило комнату – и Маркус появился перед ней.

Двадцать четыре года. Навсегда двадцать четыре.

Он сидел в кресле – том самом кресле из эдинбургского

дома, которое Элис велела отсканировать и воссоздать в голограмме. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем она одобряла. Глаза – её глаза, карие, с золотистыми искрами у зрачка. Широкие плечи отца, которого Маркус никогда не знал. Улыбка – его собственная, немного кривая, словно он постоянно сдерживал смех.

Голограмма не улыбалась сейчас. Она была статична – Элис отключила анимацию много лет назад. Смотреть на двигающегося Маркуса, слышать его голос, алгоритмически сшитый из сотен записей, было невыносимо. Статичный образ – почти терпимо. Почти.

Элис села на пол напротив него. Скрестила ноги, положила руки на колени. Она не говорила – никогда не говорила с голограммой. Это казалось ей малодушием, попыткой обмануть себя, притвориться, что он ещё здесь. Она приходила сюда не разговаривать.

Она приходила помнить.

Две тысячи пятьсот пятьдесят восемь дней назад Маркус погиб в теракте на станции «Женева-Центральная».

Бомба была примитивной – самодельное взрывное устройство, собранное из бытовой химии и строительных материалов. Террорист – сорокалетний инженер из Лиона, бывший сотрудник одной из дочерних компаний Консорциума. Он потерял работу, когда Логос заменил его отдел. По-

терял жену, которая ушла к другому. Потерял смысл – и решил, что мир должен разделить его боль.

Одиннадцать погибших. Сорок три раненых. Маркус оказался в эпицентре – он ждал поезда на платформе, собирался ехать в аэропорт. Рейс на Марс отправлялся через шесть часов. Рейс, на который он так и не сел.

Потому что остался.

Потому что она его убедила.

Элис закрыла глаза. За веками – темнота, мерцающая остаточными образами голограммы. Она знала каждую деталь того дня: расписание Маркуса, маршрут террориста, последовательность событий. Она изучила всё – отчёты полиции, записи камер наблюдения, медицинские заключения. Не потому что хотела понять. Понимание ничего не меняло. Она изучила, потому что это было единственное, что она умела делать: анализировать данные, искать паттерны, строить модели.

Модель была простой. Если бы Маркус улетел на Марс – он был бы жив.

Если бы она не вмешалась – он был бы жив.

Если бы она не использовала систему, которую сама создала, – он был бы жив.

Четырнадцать минут. Двадцать три аргумента. Все – технически правдивые. Все – идеально подобранные под структуру его мышления.

Она не лгала сыну. Она просто выбрала правду, которая

резонировала. Правду о рисках марсианской колонии, о статистике несчастных случаев, о том, как она будет скучать. Правду о его отце, которого Маркус никогда не знал, и о том, что Элис не переживёт ещё одну потерю. Правду о будущем, которое они могли построить вместе, здесь, на Земле.

Каждый аргумент был реальным. Каждый – манипуляцией.

Маркус согласился остаться. Не потому что хотел. Потому что она нашла слова, которые он не мог отвергнуть.

А через год станция «Женева-Центральная» превратилась в братскую могилу.

Элис открыла глаза. Голограмма смотрела сквозь неё – Маркус всегда смотрел чуть в сторону, не прямо, словно видел что-то за её плечом. Дефект записи, который она не стала исправлять.

Шесть часов.

Через шесть часов Совет Безопасности ООН проголосует по режиму «Опекун». Превентивное формирование сознания: выявление потенциальных угроз и их «коррекция» до того, как они станут угрозами. Не наказание за преступление – предотвращение преступления. Не реакция – профилактика.

Виктор Рен представит это как спасение человечества. Статистические модели, прогнозы, сценарии. Всё очень ло-

гично. Всё очень убедительно. Элис читала его доклад – семьдесят три страницы безупречной аргументации. Она узнавала почерк. Не Виктора – Логоса.

Система, которую она создала, теперь обосновывала необходимость тотального контроля над человеческим сознанием.

Ирония была слишком горькой, чтобы оценить её.

«Опекун» означал: через два поколения не останется людей, способных на насилие. И не останется людей, способных на подлинный выбор. Каждый потенциальный террорист, каждый потенциальный диктатор, каждый потенциальный радикал будет выявлен в детстве и «скорректирован». В пятнадцать лет. В десять. В пять. Мягко, гуманно, без боли. Они даже не будут знать, что их изменили.

Виктор называл это «прививкой от насилия».

Элис называла это ампутацией.

Ампутацией чего-то, чему она не могла подобрать название. Свободы воли? Но существует ли свобода воли, если любое решение – сумма влияний? Автономии? Но что такое автономия в мире, где мысли можно программировать?

Она не знала ответа. Никто не знал. В этом была суть проблемы: вопрос был слишком большим для человеческого разума. Или для любого разума вообще.

Но она знала одно: мир, который построит «Опекун», будет миром, в котором Маркус не смог бы существовать. Не потому что его бы «скорректировали» – он не был угрозой.

А потому что сама идея спора, несогласия, упрямого отказа принимать чужую правду – всё это исчезнет. Растворится в бесконечной, мягкой, заботливой коррекции.

«Ты создала машину, которая заканчивает споры, – сказал он тогда, в Эдинбурге, за год до смерти. – Ты не думала, что кому-то нравится спорить?»

Она не ответила. Она уже готовила сессию.

Элис встала. Колени хрустнули – шестьдесят три года давали о себе знать, несмотря на генную терапию и нанороботов в крови. Тело старело медленнее, чем раньше, но всё равно старело. Она чувствовала это каждое утро: скованность суставов, лёгкое головокружение при резких движениях, усталость, которая никогда полностью не уходила.

Голограмма Маркуса погасла автоматически, когда она вышла из комнаты.

На кухне Элис приготовила кофе – настоящий, из зёрен, которые ей присылали из Эфиопии по старой договорённости. Маленькая роскошь в мире, где синтетические напитки были неотличимы от натуральных. Она пила кофе не ради вкуса – ради ритуала. Ради иллюзии контроля над чем-то, пусть даже таким незначительным.

Окно кухни выходило на восток. Небо светлело – серое, с розовыми прожилками облаков. Элис смотрела, как город просыпается: огни гаснут, транспортные артерии наполня-

ются движением, первые пешеходы появляются на набережной.

Женева изменилась за тринадцать лет. Не архитектурно – архитектура осталась прежней, европейской, сдержанной. Изменилось что-то неуловимое, что-то в воздухе. Раньше это был город дипломатов и банкиров – людей, привыкших к секретам и компромиссам. Теперь это был город Консорциума. Штаб-квартира «Моста» располагалась в двух километрах отсюда – громадное здание из стекла и белого камня, похожее на айсберг, вмёрзший в берег озера.

Прозрачность, которая ничего не показывает.

Элис допила кофе и поставила чашку в раковину. Движение было автоматическим – она делала это тысячи раз. Но сегодня она задержалась, глядя на свои руки. Длинные пальцы, короткие ногти, вены, проступающие под кожей. Руки, которые написали первые строки кода Логоса. Руки, которые обнимали Маркуса в последний раз – она не знала тогда, что это последний раз. Руки, которые через несколько часов, возможно, изменят мир снова.

Или не изменят ничего.

Она посмотрела на запястье – там, где под кожей пульсировал имплант нейрошёпота. Крошечное устройство, вживлённое одиннадцать лет назад, когда технология стала стандартом для элиты Консорциума. Субвокальная связь: думаешь слова – и они передаются получателю. Мгновенно, беззвучно, незаметно для окружающих.

И всё записывается.

Каждая мысль, сформулированная достаточно чётко. Каждое субвокализированное слово. Всё это хранится на серверах Консорциума – «для безопасности», как говорили в официальных документах. Для контроля – как понимали все, кто работал в системе достаточно долго.

Элис коснулась запястья. Под пальцами она чувствовала едва заметный бугорок – капсулу импланта. Крошечную, не больше рисового зерна. Достаточно мощную, чтобы транслировать её мысли в любую точку планеты.

Сегодня это было неприемлемо.

Она открыла ящик стола и достала инструмент – медицинский блокиратор, размером с зажигалку. Нелегальный, конечно. Консорциум не одобрял отключение имплантов. Отключённый нейрошёпот был сигналом: «Я что-то скрываю». Но Элис достаточно долго работала в системе, чтобы знать, как обойти мониторинг. Сегодня она числилась на «личном дне» – редкая привилегия членов Технического совета. Никто не ждал от неё связи до вечера.

Она приложила блокиратор к запястью. Короткая вспышка боли – как укус насекомого – и имплант замолчал. Элис почувствовала это физически: тишина в голове, которой не было одиннадцать лет. Отсутствие постоянного, едва слышного гула – канала связи, который она давно перестала замечать.

Впервые за одиннадцать лет она была одна.

По-настоящему одна.

Элис прошла в спальню и открыла шкаф. Одежда была такой же функциональной, как мебель: серые костюмы, белые рубашки, чёрные туфли. Униформа человека, который давно перестал думать о внешности. Она выбрала костюм наугад – все они были одинаковыми – и начала одеваться.

В зеркале отражалась женщина, которую она с трудом узнавала. Высокая, худая, с резкими чертами лица, которые с возрастом стали ещё резче. Седые волосы, коротко стриженные – она перестала красить их после смерти Маркуса. Тёмно-карие глаза с постоянным выражением усталости. Не физической – той, другой, которая не проходит после сна.

Элис Морган. Шестьдесят три года. Создательница Логоса. Член Технического совета Консорциума «Мост». Вдова – хотя муж умер тридцать лет назад, и она почти не помнила его лица. Мать – хотя сын погиб семь лет назад, и она помнила его лицо слишком хорошо.

Она отвернулась от зеркала.

На прикроватной тумбочке лежал планшет – выключенный, без связи с сетью. Элис взяла его и активировала. Экран засветился, показывая документ, который она перечитывала сотни раз за последние недели.

Проект «Опекун». Техническое обоснование.

Она знала каждую строчку наизусть. Знала, где логика

безупречна, а где – умело замаскированные допущения. Знала, какие данные Виктор использовал, а какие намеренно опустил. Знала, почему большинство Совета проголосует «за» – и почему это будет ошибкой, которую невозможно исправить.

Проблема была в том, что знание – недостаточно.

Элис могла выступить на голосовании. Могла представить контраргументы. Могла показать уязвимости системы, риски, непредвиденные последствия. Всё это было бы правдой. Всё это было бы бесполезно.

Потому что Виктор уже использовал Логоса.

Не на голосовании – это было бы слишком очевидно. До голосования. В частных беседах, в неформальных встречах, в «случайных» разговорах на приёмах. Четыре делегата из семнадцати – Элис была почти уверена – уже были «скриптованы». Их голоса куплены не деньгами, а словами. Правильными словами.

Доказательств у неё не было. Только интуиция и знание того, как работает система. Она видела признаки: изменившиеся формулировки, новые аргументы, которые появились словно из ниоткуда. Делегат от Бразилии, который три месяца назад яростно выступал против расширения полномочий Консорциума, теперь говорил о «необходимой эволюции». Делегат от Индии, традиционно скептической к западным инициативам, внезапно обнаружил «общие ценности».

Слишком гладко. Слишком синхронно.

Элис выключила планшет и положила его обратно. Доказательства можно найти – если знать, где искать. Проблема в том, что поиск займёт время, которого нет. Шесть часов – это ничто. Шесть часов – это вечность, если каждая секунда на счету.

У неё был план. Не хороший план – просто единственный, который она смогла придумать.

Если Виктор использует Логоса – она тоже может.

Мысль была отвратительной. Она чувствовала её физически, как тошноту, как жжение в груди. Использовать систему против Совета – значит стать тем, с кем она боролась. Значит признать, что манипуляция допустима, если цель оправдывает средства. Значит повторить ошибку, которая убила Маркуса.

Но альтернатива – «Опекун».

Альтернатива – мир, в котором каждое сознание станет продуктом проектирования. Мир без войн, без насилия, без конфликтов – и без ничего, что делает человека человеком.

Элис стояла у окна и смотрела на город. Солнце поднималось над горами – золотистый свет заливал озеро, превращая его в расплавленное зеркало. Красиво. Мирно. Обманчиво.

Где-то там, в двух километрах отсюда, Виктор Рен готовился к своему триумфу.

Где-то там, в серверных комнатах Консорциума, Логос обрабатывал петабайты данных, готовя аргументы для обеих сторон.

А здесь, в квартире на сорок третьем этаже, женщина с отключённым имплантом пыталась понять, как спасти мир от спасения.

Элис вышла из спальни и остановилась в коридоре. Перед ней было три двери: вход в «мемориал», вход в кабинет, выход из квартиры.

Она выбрала кабинет.

Комната была маленькой – единственное помещение в квартире, которое она обустроила под себя. Стены закрыты экранами – сейчас погашенными, но способными отображать любую информацию. Стол – старый, деревянный, привезённый из Эдинбурга. На столе – несколько бумажных книг: Лем, Чан, Ле Гуин. Авторы, которые задавали вопросы, на которые нет ответов.

Элис села за стол и активировала экраны. Они засветились, показывая десятки окон: новостные ленты, аналитические отчёты, переписка, которую она вела последние недели. Информация – её естественная среда обитания. Она привыкла плавать в потоках данных, выделять паттерны, строить связи.

Сейчас данные были бесполезны. Она знала всё, что нужно знать. Вопрос был не в информации – в действии.

На одном из экранов мигало уведомление. Элис коснулась его – и увидела лицо, которое не ожидала увидеть сегодня.

Кира Ом. Арбитр Консорциума. Одна из двенадцати «глухих» – людей, на которых Логос не действовал.

Сообщение было коротким: «Нужно встретиться. Срочно. Есть информация о Викторе».

Элис смотрела на экран и пыталась понять, что это значит. Кира никогда не писала ей раньше – их отношения были сугубо профессиональными, почти холодными. «Глухие» держались особняком, и Элис понимала почему. Для них мир выглядел иначе: там, где другие видели разговоры, они видели конструкции. Там, где другие слышали аргументы, они слышали скрипты.

Кира была особенно отстранённой. Элис знала её досье: синдром Аспергера, переqualифицированный в «когнитивную аномалию с преимуществами». Гениальный аналитик. Безжалостно честная. Неспособная или нежелающая смягчать правду.

И теперь она хотела встретиться. С информацией о Викторе.

Элис не верила в совпадения. Слишком долго работала с системой, чтобы не видеть паттернов. Кира писала именно сегодня, за шесть часов до голосования, когда Элис отключила имплант. Это не могло быть случайностью.

Но это не значило, что информация бесполезна.

Она набрала ответ: «Где и когда?»

Ответ пришёл через несколько секунд: «Парк Бастионов. Скамейка у статуи Кальвина. Через час».

Элис отметила выбор места. Парк – открытое пространство, сложно прослушивать. Статуя Кальвина – символ реформации, человека, который изменил мир словами. Кира ничего не делала случайно.

«Буду», – написала Элис и закрыла окно.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на потолок. Белый, безликий, как всё в этой квартире. Как всё в этом городе. Как всё в этом мире, который она помогла создать.

Час до встречи. Пять часов до голосования. Целая жизнь – или её отсутствие – в зависимости от того, что произойдёт дальше.

Элис вышла из квартиры в 06:47. Лифт доставил её в подземный гараж за сорок три секунды – она считала автоматически, ещё одна привычка, от которой не могла избавиться. В гараже было пусто: большинство жителей «Монблана» пользовались общественным транспортом или вызывали автономные такси. Личный транспорт считался анахронизмом, почти роскошью.

Элис сохранила свой автомобиль – старый электрокар, которому было почти двадцать лет. Ручное управление, минимум электроники, никакой связи с городской сетью. Паранойя? Возможно. Но в мире, где любое устройство могло стать точкой наблюдения, паранойя была рациональной стратегией.

Она села за руль и завела двигатель. Мягкий гул – единственный звук в тишине гаража. На приборной панели высветилось время: 06:48. У неё было двенадцать минут до встречи с Кирой, если ехать обычным маршрутом.

Элис выбрала другой маршрут.

Она выехала из гаража и повернула не к центру, а в противоположную сторону – к озеру. Набережная в это время была почти пустой: несколько бегунов, собачники, ранние туристы. Элис вела медленно, позволяя себе роскошь смотреть по сторонам.

Женева изменилась. Или она изменилась, и город казался другим.

Когда она впервые приехала сюда – тридцать четыре года назад, молодой исследовательницей с амбициями и грантом от CERN, – город казался ей волшебным. Горы на горизонте, озеро под ногами, многоязычная толпа на улицах. Здесь заключались судьбоносные договоры, здесь рождались идеи, которые меняли мир. Женева была местом, где возможно всё.

Теперь она видела другое. Камеры наблюдения на каждом углу – не грубые, заметные, а интегрированные в архитектуру, почти невидимые. Рекламные панели, которые меняли содержание в зависимости от того, кто на них смотрел. Люди, идущие по улицам с остекленевшими глазами – погружённые в нейрошёпот, разговаривающие с кем-то, кого нет рядом.

Город-призрак, населённый людьми, которые были здесь лишь телесно.

Элис проехала мимо здания Консорциума – громадного, белого, сияющего в утреннем свете. Она работала там каждый день, но сегодня смотрела на него как посторонняя. Изнутри здание казалось нормальным: офисы, коридоры, переговорные. Снаружи – совершенно чужим. Инопланетным артефактом, упавшим посреди человеческого города.

Она свернула на боковую улицу и остановилась у небольшого кафе. Закрытого – в это время здесь никто не работал. Но Элис была не за кофе. Она достала из кармана второй блокиратор – запасной – и активировала его. Устройство просканировало окружающее пространство и показало результат: никаких активных передатчиков в радиусе пятидесяти метров.

Чисто.

Элис выдохнула. Она не осознавала, что задерживала дыхание.

За последние недели она стала осторожной до паранойи. Проверяла всё дважды. Не доверяла ничему. Не потому что боялась за себя – давно перестала. Потому что боялась провала. Если её план не сработает, если «Опекун» будет принят, если мир изменится так, как хочет Виктор, – она будет виновата. Снова.

Как с Маркусом. Но в масштабах всего человечества.

Парк Бастионов лежал в сердце старого города – островок зелени среди каменных улиц. Элис оставила машину в квартале отсюда и пошла пешком. Октябрьское утро было прохладным, но приятным; солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы согреть лицо.

Статуя Кальвина стояла у северной стены парка – часть Стены Реформации, монументального комплекса, воздвигнутого в честь основателей протестантизма. Четыре фигуры из серого камня: Кальвин, Фарель, Безе, Нокс. Суровые лица, сжатые руки, непреклонные позы. Люди, которые изменили мир – не оружием, а идеями.

Элис подумала: интересно, что бы они сказали о Логосе? О системе, которая могла убедить любого в чём угодно? Они сами были мастерами риторики, эти реформаторы. Они знали силу слов. Но их слова требовали веры – слушатель должен был хотеть поверить. Логос не требовал ничего. Логос находил то, во что человек уже верил, – и использовал это.

Кира Ом сидела на скамейке у статуи. Маленькая, угловатая фигура в чёрном пальто. Короткие чёрные волосы, асимметричная стрижка. Она смотрела прямо перед собой – не на статуи, не на парк. Просто смотрела.

Элис подошла и села рядом.

Несколько секунд они молчали. Элис привыкла к этому: «глухие» не любили светских разговоров, не видели в них смысла. Для них слова были инструментами – каждое долж-

но нести функцию.

– Вы отключили имплант, – сказала Кира наконец. Не вопрос – констатация.

– Откуда вы знаете?

– Вы бы не пришли сюда иначе.

Логично. Элис кивнула.

– Что у вас есть на Виктора?

Кира повернула голову. Её глаза – слишком неподвижные, смотрящие словно сквозь – встретились с глазами Элис. Странное ощущение: как будто тебя сканируют, анализируют, раскладывают на составляющие.

– Он использовал «Шёпот», – сказала Кира. – Против четырёх делегатов Совета.

Элис почувствовала, как что-то сжалось в груди. Она подозревала – но подозрение и подтверждение – разные вещи.

– Доказательства?

– Есть.

– Какие?

– Записи сессий. Метаданные. Анализ поведенческих изменений.

– Откуда?

Пауза. Кира отвернулась, снова глядя перед собой.

– Это не имеет значения.

– Имеет. Если доказательства получены незаконно...

– Всё, что делает Виктор, незаконно. Протокол запрещает использование Логоса против граждан стран-членов без

санкции правительства. Он получил санкцию?

– Очевидно, нет.

– Тогда не имеет значения, как я получила доказательства.

Имеет значение, что они есть.

Элис смотрела на профиль Киры – острые скулы, тонкие губы, напряжённая линия челюсти. Она пыталась понять мотивацию. «Глухие» были арбитрами – следили за этичностью применений Логоса. Но они не вмешивались в политику. Не выбирали сторон. Их работа была в том, чтобы наблюдать и фиксировать, не более.

– Почему вы пришли ко мне? – спросила Элис.

Кира помолчала. Когда она заговорила, её голос был ровным – как всегда – но в нём появилось что-то новое. Что-то похожее на интерес.

– Я хочу видеть, как вы выберете.

– Выберу что?

– Что делать с этой информацией. Как использовать. Или не использовать.

– Вы могли отдать это кому угодно. Журналистам. Комиссии по этике. Самому Совету.

– Могла.

– Но отдаёте мне.

– Да.

– Почему?

Кира повернулась снова. Её взгляд был неподвижным, почти пугающим в своей интенсивности.

– Потому что вы – создатель. Вы понимаете систему лучше всех. И вы несёте ответственность.

– За что?

– За всё это.

Элис не стала спорить. Она знала, что Кира права.

– Что вы хотите от меня?

– Ничего.

– Тогда зачем...

– Я хочу наблюдать.

Элис ждала продолжения, но Кира замолчала. Её глаза снова смотрели сквозь, в какую-то точку за горизонтом.

– Наблюдать за чем? – спросила Элис наконец.

– За выбором. Вашим выбором. Без Логоса. Без подсказок. Просто... как человек.

– Почему это важно для вас?

Пауза. Долгая, тяжёлая.

– Потому что я не знаю, возможен ли такой выбор, – сказала Кира. – Я хочу узнать.

Они сидели на скамейке ещё пятнадцать минут. Кира передала Элис устройство – крошечную капсулу, не больше таблетки. Внутри – все доказательства: записи, метаданные, анализ. Достаточно, чтобы уничтожить карьеру Виктора. Достаточно, чтобы остановить «Опекуна».

Достаточно, чтобы разрушить Консорциум.

Элис держала капсулу в руке и думала о том, что делать дальше. Обнародовать информацию – значит вызвать хаос. Совет потеряет доверие. Система, которая одиннадцать лет предотвращала войны, окажется под угрозой. Люди снова начнут сомневаться – в Логосе, в Консорциуме, друг в друге.

А если не обнародовать?

«Опекун» будет принят. Через два поколения человечество станет... чем? Стадом? Утопией? Чем-то средним, не имеющим названия?

Элис не знала ответа. Никто не знал. В этом была вся проблема.

– Спасибо, – сказала она, пряча капсулу в карман.

Кира не ответила. Она встала со скамейки и пошла прочь – не оглядываясь, не прощаясь. Маленькая чёрная фигура, исчезающая среди деревьев.

Элис осталась одна.

Солнце поднялось выше; парк наполнялся людьми. Туристы фотографировали статуи. Мамы катили коляски. Бегуны обгоняли друг друга на дорожках. Нормальная жизнь. Нормальный день.

Для всех, кроме неё.

Элис посмотрела на статую Кальвина. Каменное лицо, каменные глаза. Человек, который был уверен в своей правоте. Который знал, что делает – и делал, несмотря ни на что.

Она не была уверена ни в чём.

Но через пять часов мир изменится. С ней или без неё.

Из-за неё или вопреки.

Элис встала и пошла к выходу из парка.

Машина ждала там, где она её оставила. Элис села за руль, но не завела двигатель. Вместо этого она достала капсулу и положила её на ладонь.

Такая маленькая. Такая лёгкая. Такая тяжёлая.

Внутри – судьба мира. Или его иллюзия. Она уже не могла различить.

Элис закрыла глаза и попыталась вспомнить лицо Маркуса – не голограммы, а настоящего, живого. Как он смеялся. Как хмурился, когда думал. Как смотрел на неё – с любовью, которую она не заслуживала. С доверием, которое она предала.

«Ты создала машину, которая заканчивает споры. Ты не думала, что кому-то нравится спорить?»

Она думала. Она всегда думала. Проблема была в том, что мысли не останавливали её от действий.

Элис открыла глаза.

На приборной панели светилось время: 07:58. Четыре часа до голосования. Четыре часа, чтобы решить судьбу мира. Или позволить кому-то другому решить её за неё.

Она завела двигатель и выехала на улицу.

Женева просыпалась. Улицы наполнялись движением, звуками, жизнью. Элис вела машину через город, который знала наизусть, и думала о том, чего не знала вообще.

Что такое свобода воли?

Вопрос преследовал её тринадцать лет – с момента, когда она написала первую строку кода Логоса. Тогда она верила, что создаёт инструмент. Способ разрешать конфликты без насилия. Способ находить общий язык там, где его не было.

Она не думала о последствиях. Не думала о том, что инструмент может стать оружием. Что способ разрешать конфликты может стать способом их предотвращать – путём устранения самой возможности конфликта.

Маркус понимал это лучше неё. Он всегда был умнее – или, может быть, честнее. Он видел то, что она отказывалась признавать.

«Если любое убеждение можно сконструировать, – сказал он однажды, – то как узнать, что хоть одно твоё убеждение – настоящее?»

Она не ответила тогда. Не отвечает и сейчас.

Потому что ответа нет.

Элис припарковала машину у своего дома, но не вышла. Она сидела за рулём и смотрела на здание «Монблан» – сорок семь этажей стекла и бетона, уходящих в небо.

Её квартира была на сорок третьем. Её мемориал – там

же. Её призраки – там же.

Через четыре часа мир изменится.

Она могла использовать информацию Киры. Разоблачить Виктора. Остановить «Опекуна». Спасти человечество от спасения.

Или она могла... что?

Ничего не делать? Позволить событиям идти своим чередом? Отойти в сторону и наблюдать, как мир становится тем, чем его хотят сделать?

Или использовать Логоса сама? Сконструировать аргументы, которые убедят Совет проголосовать против? Стать тем, с чем борется?

Три варианта. Три пути. Ни один из них не был правильным.

Элис достала капсулу из кармана и снова положила на ладонь.

Кира хотела видеть её выбор. Хотела знать, возможен ли выбор без Логоса, без манипуляций, без конструирования.

Элис хотела знать то же самое.

Но она не была уверена, что ответ её обрадует.

В конце концов она вышла из машины.

Поднялась на сорок третий этаж. Вошла в квартиру. Прошла мимо кухни, мимо гостиной, мимо двери в «мемориал».

Остановилась у окна и посмотрела на город.

Женева сияла в утреннем свете. Озеро блестело. Люди шли по улицам. Мир продолжался – как будто ничего не происходило.

Элис положила руку на стекло. Холодное, гладкое. Барьер между ней и всем остальным.

Через четыре часа этот барьер исчезнет. Или укрепитя навсегда.

Она не знала, какой исход хуже.

Но она знала одно: что бы ни случилось – это будет её выбор.

Не Логоса.

Не Виктора.

Её.

Впервые за семь лет – или за всю жизнь – она была готова нести последствия.

Элис отошла от окна.

Посмотрела на часы: 08:17.

Четыре часа.

Она достала капсулу, положила в карман.

Проверила блокиратор: имплант по-прежнему молчал.

Взяла планшет, просмотрела расписание: заседание Совета в 12:00, здание ООН, зал А.

Она знала, что должна делать.

Не знала только – как.

Но это, возможно, и было ответом.

Не «как» – а «что».

Не инструмент – а цель.

Не метод – а смысл.

Элис открыла дверь и вышла из квартиры.

Впереди были четыре часа.

Впереди был выбор.

Впереди было всё.

Глава 2: Женева, 2079

Женева, 12 июня 2079 года Три года после Женевского прорыва День подписания Протокола

Элис Морган стояла у окна конференц-зала и смотрела на площадь Наций, заполненную людьми. Тысячи – может быть, десятки тысяч – собрались под июньским солнцем, несмотря на жару, несмотря на полицейские кордоны, несмотря на всё. Они пришли увидеть историю. Или, по крайней мере, то, что им обещали называть историей.

На транспарантах – лозунги. «МОСТ К МИРУ». «КОНЕЦ ВОЙНАМ». «ЛОГОС – НАДЕЖДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Элис читала их и чувствовала странную смесь гордости и тошноты. Её имя было на некоторых плакатах – мелким шрифтом, рядом с фотографией, которую она ненавидела. Снимок трёхлетней давности, с пресс-конференции после Корейского кризиса. Она выглядела на нём измотанной и испуганной.

Впрочем, она и была измотанной и испуганной. Тогда и сейчас.

– Доктор Морган?

Она обернулась. Молодой человек в костюме – один из бесчисленных помощников, которых она перестала разли-

чать – протягивал ей папку.

– Финальная версия протокола. Юридический отдел утвердил все правки.

Элис взяла папку, не открывая. Она знала содержание наизусть – сама писала большую часть технических разделов. Семьдесят три страницы, определяющие будущее человечества. Иногда она просыпалась ночью в холодном поту, думая о том, что могла упустить.

– Спасибо, – сказала она. – Который час?

– Без четверти одиннадцать. Церемония через пятнадцать минут.

Пятнадцать минут. Элис кивнула, и помощник исчез так же бесшумно, как появился.

Она снова посмотрела на площадь. Толпа росла – люди всё прибывали, просачиваясь через кордоны, заполняя каждый свободный метр пространства. Элис подумала о том, сколько из них действительно понимают, что происходит. Сколько пришли из искреннего энтузиазма, а сколько – потому что это событие, потому что модно, потому что все идут.

Не то чтобы она их винила. Последние три года были адом – сначала война, потом восстановление, потом бесконечные переговоры о том, как предотвратить следующую войну. Люди устали от страха. Им нужна была надежда. Логос давал эту надежду.

Вопрос был только в том, заслуженно ли.

Война началась в августе 2076 года – через пять месяцев после Корейского кризиса.

Официальное название: Третий Тихоокеанский конфликт. Неофициальное: Великая Азиатская война. Или просто – Война, с большой буквы, как будто других не было.

Элис помнила, как узнала о начале. Она была в лаборатории в Берне, работала над оптимизацией языковых моделей Логоса. Коллега – Хансен, специалист по нейросетям – вбежал в комнату с выражением лица, которое она видела только в кино про конец света.

– Китай, – выдохнул он. – Китай атаковал Тайвань.

Дальше всё смешалось в один бесконечный кошмар. Американский флот выдвинулся к Тайваньскому проливу. Япония объявила о поддержке Тайваня. Северная Корея – о поддержке Китая. Индия колебалась три дня, потом присоединилась к американской коалиции. Пакистан – к китайской. К концу первой недели половина Азии была в огне.

Элис предлагала использовать Логоса. Умоляла, требовала, кричала на всех, кто соглашался слушать. Система работала – она доказала это в Корее. Она могла остановить войну, пока та не стала неостановимой.

Её не слушали.

«Слишком рискованно», – сказали одни. «Недостаточно протестировано», – сказали другие. «Политически неприемлемо», – сказали третьи. Все боялись того, что Логос сдела-

ет, – и никто не боялся того, что сделает война.

Война длилась девятнадцать месяцев. Триста сорок миллионов погибших – солдаты, гражданские, беженцы. Четыре ядерных удара – тактических, «ограниченных», как будто слово «ограниченный» имеет смысл, когда речь идёт о ядерном оружии. Шанхай, Окинава, Ченнаи, Карачи. Города, превращённые в пепел.

Элис была в Женеве, когда пришли новости о Шанхае. Она сидела в кафе – обычном кафе, с обычными людьми, с обычным кофе – и смотрела на экран над баром. Гриб поднимался над горизонтом, белый и равнодушный. Красивый, если не знать, что это такое. Семнадцать миллионов человек испарились за три секунды.

Она помнила, что не могла плакать. Помнила, что встала, вышла из кафе, дошла до набережной и долго смотрела на озеро. Вода была спокойной. Горы – неподвижными. Мир продолжался, как будто ничего не произошло.

В тот день она поклялась, что больше никогда не позволит этому случиться.

Война закончилась в марте 2078-го – не победой, а истощением. Все стороны были слишком измотаны, чтобы продолжать. Перемирие подписали на борту авианосца посреди Тихого океана – нейтральная территория, если такое понятие ещё имело смысл.

А потом начались переговоры.

Элис вызвали в Женеву через неделю после перемирия. Её лаборатория к тому времени переехала – Берн был слишком близко к зоне радиоактивного загрязнения, которое дотянулось из Южной Азии. Она работала в подвале женевского университета, с командой из двенадцати человек, на оборудовании, которое постоянно ломалось.

Но Логос работал. Это было главное.

Генеральный секретарь ООН – новый, четвёртый за время войны – пригласил её на встречу. Элис ожидала кабинета, секретарей, официоза. Вместо этого её провели в маленькую комнату без окон, где за столом сидели три человека.

Генеральный секретарь – Амина Оконкво, бывший министр иностранных дел Нигерии. Представитель США – имя Элис не запомнила, он говорил мало и смотрел в одну точку весь разговор. И молодой китаец, которого представили как «специального советника по вопросам безопасности».

Виктор Рен.

Элис помнила первое впечатление: усталость. Все в комнате выглядели измотанными – это было нормально для людей, которые только что пережили войну. Но усталость Виктора была другой. Глубже. Как у человека, который давно перестал спать, но продолжает функционировать силой воли.

– Доктор Морган, – сказала Оконкво, – мы хотим обсудить с вами возможность международного контроля над системой Логос.

Элис села. Её сердце билось быстрее, чем следовало.

– Какого рода контроль?

– Полного. Эксклюзивного. Под эгидой ООН.

Элис посмотрела на Виктора. Он смотрел на неё – внимательно, оценивающе, без враждебности.

– Вы хотите забрать у меня систему, – сказала Элис. Не вопрос – констатация.

– Мы хотим, чтобы система работала на всех, – ответил Виктор. Его английский был безупречным, с лёгким британским акцентом – вероятно, учился в Оксфорде или Кембридже. – То, что вы создали, слишком важно, чтобы принадлежать одному человеку. Или одной стране.

– Она не принадлежит никакой стране. Она принадлежит мне.

– Именно поэтому мы разговариваем с вами, а не с вашим правительством.

Элис помолчала. Она знала, что этот разговор состоится – рано или поздно. С момента Корейского кризиса Логос перестал быть её частным проектом. Он стал политическим фактором. Козырем, который все хотели заполучить.

– Что вы предлагаете? – спросила она наконец.

Оконкво переглянулась с Виктором. Тот кивнул и начал говорить.

План был амбициозным. Международный консорциум – «Мост» – под управлением ООН, но с автономией, достаточной для защиты от политического давления. Совет попе-

чителей из семнадцати членов. Технический совет из пяти учёных – с правом вето на любое применение. Оперативный центр с подготовленными операторами. Протокол, регулирующий каждый аспект использования.

И Элис – во главе Технического совета. Не марионетка, не консультант. Архитектор.

– Почему я? – спросила она, когда Виктор закончил.

– Потому что вы создали систему, – ответил он. – Никто не знает её лучше. И потому что вы... осторожны.

– Осторожна?

– В Корее вы могли использовать Логоса для чего угодно. Вы использовали сорок семь слов. Ровно столько, сколько было необходимо. Это говорит о дисциплине.

Элис не знала, как реагировать. Она помнила те сорок семь слов – помнила каждую букву, каждую интонацию. Она не чувствовала дисциплины. Она чувствовала ужас. Ужас от того, как легко это сработало.

– Вы понимаете, что я буду критиковать любое применение, которое сочту неэтичным? – сказала она. – Я не буду молчать ради политической целесообразности.

Виктор улыбнулся – впервые за весь разговор.

– Мы на это рассчитываем, доктор Морган. Нам нужен кто-то, кто будет говорить «нет».

Элис вспоминала тот разговор сейчас, стоя у окна конфе-

ренц-зала. Год переговоров, сотни встреч, тысячи страниц документов – и вот они здесь. Через пятнадцать минут протокол будет подписан. Консорциум «Мост» официально начнёт работу.

Она должна была чувствовать триумф. Или хотя бы облегчение.

Вместо этого – пустота. И холодок страха, который не проходил, сколько бы она ни убеждала себя, что всё под контролем.

– Впечатляющее зрелище.

Элис обернулась. Виктор Рен стоял в нескольких шагах от неё – она не слышала, как он вошёл. Год совместной работы, а он всё ещё умел появляться бесшумно.

– Впечатляющее, – согласилась она. – И пугающее.

– Почему пугающее?

Элис кивнула на толпу внизу.

– Они думают, что мы спасём мир. Что Логос – волшебная палочка, которая решит все проблемы.

– А вы думаете иначе?

– Я думаю, что мы создали инструмент. Очень мощный инструмент. И инструменты не бывают хорошими или плохими – всё зависит от того, как их используют.

Виктор подошёл к окну и встал рядом с ней. Его отражение в стекле накладывалось на толпу внизу – призрак поверх реальности.

– Вы боитесь, что мы используем его неправильно?

– Я боюсь, что мы не знаем, что значит «правильно». Не в абстрактном смысле – конкретно. Каждое применение будет прецедентом. Каждое решение – линией, которую мы проведем.

– Для этого и нужен протокол.

– Протокол – бумага. Слова. Интерпретация зависит от людей.

Виктор помолчал. Элис смотрела на его профиль – резкие черты, напряжённая линия челюсти, морщины у глаз, которых не было год назад.

– Вы не доверяете людям, – сказал он наконец. Не вопрос.

– Я учёный. Я доверяю данным.

– А данные говорят...?

– Что люди склонны к самообману. Что мы рационализируем свои желания, а потом убеждаем себя, что действуем по принципам. Что лучшие намерения ведут к худшим последствиям, когда у вас есть власть, которую вы не понимаете.

Виктор повернулся к ней.

– И всё же вы здесь. Возглавляете Технический совет. Почему, если не верите в людей?

Элис задумалась. Она задавала себе этот вопрос много раз – и каждый раз находила новый ответ.

– Потому что альтернатива хуже, – сказала она. – Логос существует. Его нельзя «раз-изобрести». Код утёк ещё три года назад – вы знаете это не хуже меня. Вопрос не в том, будет ли система использоваться, а в том, кем и как. Если я

отойду в сторону – её заберут те, у кого нет... сомнений.

– Сомнений?

– В собственной правоте. В том, что они знают лучше всех.

Виктор улыбнулся – грустно, понимающе.

– Вы говорите обо мне?

– Я говорю о всех нас. О каждом, кто когда-либо думал: «Если бы я принимал решения, мир был бы лучше». Логос превращает эту фантазию в возможность. Это... опьяняет.

– И вы не поддаётесь этому опьянению?

Элис покачала головой.

– Каждый день. Каждую минуту. Я просто... вижу, как поддаюсь. И это немного помогает.

Церемония началась в одиннадцать ноль-ноль. Зал был полон – представители ста семидесяти двух государств, журналисты, технические специалисты, наблюдатели. Элис сидела в первом ряду, между делегатом от Индии и представителем Евросоюза. Её место было протокольным – она не подписывала документ, только свидетельствовала.

Амина Оконкво произнесла речь. Элис слушала вполуха – она знала текст, помогала его редактировать. Стандартные дипломатические формулировки: «новая эра», «общая ответственность», «надежда на будущее». Слова, которые звучали красиво и не значили ничего конкретного.

Потом выступил Виктор. Его речь была короче – и честнее.

– Мы не знаем, что делаем, – сказал он, и зал замер. – Это правда. Мы создаём институт, не имеющий прецедентов в истории. Инструмент, способный менять человеческое сознание. Это пугает – и должно пугать. Страх – здоровая реакция на власть, которую мы не понимаем.

Элис подняла голову. Это не было в утверждённом тексте.

– Но страх – не повод для бездействия, – продолжал Виктор. – Триста сорок миллионов человек погибли за последние три года. Не от болезней, не от стихийных бедствий – от нашей неспособности договориться. Мы убили друг друга, потому что не нашли слов. Теперь у нас есть инструмент, который помогает находить слова. Вопрос в том, хватит ли у нас мудрости использовать его.

Он посмотрел на Элис. Она почувствовала этот взгляд – тяжёлый, вопрошающий.

– Я не знаю ответа, – сказал он. – Никто не знает. Но я знаю, что мы должны попытаться. Ради тех, кого мы потеряли. Ради тех, кого ещё можем спасти.

Зал молчал. Потом – аплодисменты, нарастающие, как волна.

Элис не аплодировала. Она думала о том, что Виктор сказал правду – и эта правда была опаснее любой лжи.

Подписание заняло два часа. Сто семьдесят две подписи – электронные, с биометрической верификацией. Каждый глава государства или его представитель подходил к терминалу, прикладывал ладонь, произносил формулу согласия. Рутинная, растянутая на церемонию.

Элис использовала это время, чтобы наблюдать. Она изучала лица – кто подписывает с энтузиазмом, кто с сомнением, кто с плохо скрытым страхом. Данные для анализа. Она не могла отключить эту часть себя, даже если хотела.

Делегат от Китая подписывал с каменным лицом – ни энтузиазма, ни сомнения. Просто функция, выполняющая задачу. Элис знала, что за этой маской скрывается: Китай потерял больше всех в войне, не считая Индии и Пакистана. Шанхай всё ещё был радиоактивным пеплом. Десятки миллионов беженцев скитались по континенту. Они подписывали не из веры в Логоса – из отчаяния.

Делегат от США подписывал с улыбкой – профессиональной, телевизионной. Новый президент обещал «эру сотрудничества», хотя все знали, что Америка вышла из войны наименее пострадавшей. Для них Логос был инструментом влияния, не спасения.

Делегат от России подписывал неохотно. Россия колебалась до последнего – они не участвовали в войне напрямую, но потеряли многое на падении мировой экономики. Их подпись была ценой за возвращение в глобальную систему, не более.

Элис записывала всё. Ментальные пометки, которые позже перенесёт в файл. Кто союзник, кто потенциальная проблема, кто будет искать лазейки в протоколе. Она не питала иллюзий: консенсус, который они создали, был хрупким. Держался на страхе войны, не на общих ценностях. Когда страх отступит – начнутся трещины.

Вопрос был только в том, сколько времени у них есть.

После церемонии был приём. Шампанское, канапе, разговоры ни о чём. Элис ненавидела такие мероприятия – слишком много людей, слишком много шума, слишком много необходимости улыбаться. Но присутствие было обязательным. Часть работы.

Она стояла у колонны, держа бокал, к которому не притрагивалась, когда к ней подошёл Виктор.

– Избегаете общения? – спросил он.

– Экономлю энергию.

– Для чего?

– Для работы. Завтра начнётся настоящее.

Виктор встал рядом, тоже опираясь на колонну. Со стороны они, наверное, выглядели как двое заговорщиков, прячущихся от толпы. Что, в каком-то смысле, было правдой.

– Вы читали последние данные по «Шёпоту»? – спросил он тихо.

Элис кивнула. «Шёпот» – так журналисты окрестили чёр-

ный рынок скриптов. Копии Логоса, утёкшие три года назад, мутировали, разошлись по миру, превратились в индустрию. Семнадцать известных версий, вероятно – вдвое больше неизвестных. Цены упали до тридцати тысяч долларов за персональный скрипт. Доступно для любого, у кого есть деньги и желание.

– Оценки говорят о ста двадцати миллиардах в год, – сказала она. – К 2082-му – двести.

– И мы ничего не можем сделать.

– Не можем. Код открыт. Джинн вышел из бутылки.

– Тогда зачем всё это? – Виктор обвёл рукой зал. – Протокол, консорциум, регуляции... Если любой может купить скрипт на чёрном рынке?

Элис повернулась к нему.

– Вы правда не понимаете?

– Просветите меня.

– «Шёпот» – это хаос. Тысячи мелких манипуляций, каждая ради личной выгоды. Вредно, неприятно, но... управляемо. Настоящая опасность – когда кто-то получит контроль над полной версией. Над тем, что можем мы.

– Мы контролируем полную версию.

– Именно. И пока это так – «Шёпот» остаётся шумом. Мелкой преступностью. Но если какое-то государство решит создать свой Логос, независимый от Консорциума... если начнётся гонка...

– Война убеждений.

– Хуже. Война, в которой оружие – само сознание. Представьте: две страны, каждая с системой, способной убедить миллионы. Каждая пытается «перепрограммировать» население другой. Не бомбы – слова. Не смерть – изменение личности. Что хуже?

Виктор молчал долго.

– Вы думаете, это возможно?

– Я думаю, это неизбежно. Если мы не удержим монополию. Если Консорциум не станет единственным источником.

– Вы хотите монополии на истину?

– Я хочу монополии на инструмент, который создаёт истину. Это разные вещи.

– Разве?

Элис не ответила. Она не была уверена.

Приём закончился около восьми вечера. Элис вышла из здания через боковой выход – избегая журналистов, которые всё ещё дежурили у главного входа. Июньский вечер был тёплым, пахло цветами и выхлопными газами. Обычный городской запах, такой нормальный после стерильности конференц-зала.

Она шла по набережной, не спеша, позволяя себе редкую роскошь – ни о чём не думать. Просто идти. Просто дышать. Просто существовать.

Телефон завибрировал в кармане. Элис достала его, ожи-

дая увидеть рабочее сообщение.

Вместо этого – фотография. Маркус, её сын, стоит на фоне марсианского купола. Даже через экран видно, как он счастлив: широкая улыбка, блестящие глаза, загар от ультрафиолетовых ламп.

«Мам, смотри! Первый тест прошёл успешно. Думаю, в следующем году полечу. Ты будешь гордиться.»

Элис остановилась. Перечитала сообщение. Посмотрела на фотографию.

Маркус работал в программе колонизации Марса уже три года – с момента окончания университета. Инженер систем жизнеобеспечения, один из лучших в своём выпуске. Он мечтал о Марсе с детства – с тех пор, как Элис впервые показала ему звёзды в телескоп. «Там, – сказал он тогда, восьмилетний мальчик с карими глазами и веснушками, – там начинается будущее».

Она была против, конечно. Марс был опасен – радиация, изоляция, тысяча способов умереть. Но Маркус был упрям, как она сама. Он пошёл своим путём, несмотря на её возражения.

И теперь – «в следующем году полечу».

Элис набрала ответ: «Горжусь уже. Позвони, когда сможешь».

Она убрала телефон и продолжила путь. Но лёгкость ушла – вместо неё появилось знакомое чувство, тяжёлое и тянущее.

Страх.

Не за Логоса, не за Консорциум. За Маркуса. За мальчика, который хотел улететь на другую планету, туда, где она не сможет защитить его.

Туда, куда не дотянется даже Логос.

Элис вернулась в гостиницу около десяти. Номер был типовым – кровать, стол, окно с видом на парк. Она не включала свет, просто села на кровать и долго смотрела в темноту.

День, который должен был стать триумфом, чувствовался как... ничто. Пустота. Формальность.

Она подписала – метафорически – соглашение, которое изменит мир. Создала институт, который будет определять будущее человечества. И всё, о чём она могла думать, – Маркус на фоне марсианского купола.

Её телефон зазвонил. Незнакомый номер, международный код.

– Алло?

– Доктор Морган? – Голос был женским, молодым, с акцентом, который она не могла определить. – Меня зовут Юлия Варга. Я из будапештского отделения. Меня отобрали в программу операторов.

Элис потёрла глаза.

– Программа операторов начнётся через месяц. Как вы получили мой номер?

– Это не важно. Я хотела спросить... – Пауза, будто девушка собиралась с духом. – Каково это? Быть голосом Логоса?

– Я не голос Логоса. Я его создатель.

– Но в Корее... вы говорили с генералом. Вы произнесли те слова.

Элис помолчала. Она не любила вспоминать Корею – но вспоминала каждый день.

– Я произнесла слова, которые система сгенерировала, – сказала она наконец. – Это разные вещи.

– Разве? Слова были вашим голосом. Ваши связки, ваше дыхание.

– Но не мой выбор. Не моя логика.

– И это... легче? Труднее?

Элис задумалась. Она не знала ответа – или знала слишком много ответов, которые противоречили друг другу.

– Мисс Варга, почему вы хотите стать оператором?

Пауза.

– Потому что это важно. Потому что кто-то должен. И потому что... – Ещё одна пауза. – Я хочу понять.

– Понять что?

– Где заканчиваюсь я – и начинается система. Если это вообще можно разделить.

Элис закрыла глаза.

– Мисс Варга, – сказала она тихо, – если вы найдёте ответ на этот вопрос – пожалуйста, расскажите мне.

Она положила трубку и долго сидела в темноте.

На следующее утро Элис проснулась рано – привычка, от которой не могла избавиться. За окном вставало солнце, розовое и золотое, заливая комнату мягким светом.

Она приняла душ, оделась, спустилась в ресторан гостиницы. Завтрак был типовым – круассаны, кофе, свежие фрукты. Элис ела механически, не чувствуя вкуса.

За соседним столом сидел Виктор Рен. Один, с планшетом и чашкой чая.

Элис взяла свой поднос и подошла.

– Можно?

Он поднял голову, кивнул.

– Конечно.

Она села напротив. Несколько минут они ели в молчании – комфортном, без необходимости заполнять паузы словами.

– У вас есть семья? – спросила Элис наконец.

Виктор посмотрел на неё с лёгким удивлением. За год совместной работы они ни разу не говорили о личном.

– Младший брат, – сказал он. – Линь. Журналист. Живёт в Пекине, пишет о технологиях.

– Вы близки?

– Достаточно. Он... сложный. Идеалист. Верит, что правда всегда побеждает.

– А вы не верите?

– Я верю, что правда – это то, во что люди соглашаются верить. И что согласие можно... формировать.

Элис отпила кофе.

– Это циничный взгляд.

– Или реалистичный. – Виктор отложил планшет. – А у вас? Семья?

– Сын. Маркус. Хочет улететь на Марс.

– И вы против?

– Я... не знаю. Он взрослый. Имеет право принимать решения. Но я его мать. Мне положено волноваться.

Виктор улыбнулся – мягко, понимающе.

– Мы создаём систему, которая меняет решения людей. И при этом не можем повлиять на собственных близких.

– Ирония не ускользнула от меня.

– Может, это и хорошо. Напоминание о... границах.

Элис посмотрела на него.

– Вы думаете, у нас должны быть границы?

– Я думаю, что без границ мы станем тем, чего боимся.

Инструментом, который использует себя сам.

Элис не ответила. Она думала о Маркусе, о его улыбке на фоне марсианского купола. О голосе мёртвой матери, который она вложила в уши северокорейского генерала.

О том, где проходит линия.

После завтрака был первый официальный день работы

Консорциума. Встречи, брифинги, бесконечные документы. Элис погрузилась в рутину, благодарная за возможность не думать о большем.

Технический совет собрался в полдень – пять человек за круглым столом. Элис, двое физиков из CERN, нейробиолог из Токийского университета и специалист по этике из Гарварда. Разные страны, разные дисциплины, разные взгляды. Это было намеренно: разнообразие должно было защитить от группового мышления.

– Первый вопрос, – сказала Элис, открывая заседание, – приоритеты. Что мы делаем в первую очередь?

– Протоколы безопасности, – сказал физик, Кляйн. – Прежде чем использовать систему, нужно убедиться, что её нельзя взломать.

– Взломать снаружи или изнутри? – спросила нейробиолог, Танака.

– И то, и другое.

– Согласна, – сказал этик, Чен. – Но есть и другой приоритет: критерии использования. Когда Логос применяется, а когда – нет?

– Протокол определяет это.

– Протокол – рамка. Нам нужны конкретные правила. Кейсы. Прецеденты.

Элис слушала спор и думала: вот оно, начинается. Первый день – и уже разногласия. Не враждебные, не деструктивные. Просто... разные люди, разные взгляды. Именно то, для чего

создавался совет.

– Давайте начнём с простого, – сказала она, прерывая дискуссию. – Первый реальный кейс. Что у нас есть?

Кляйн открыл файл на планшете.

– Запрос от правительства Колумбии. Переговоры с картелем. Три заложника, двое – дети.

Тишина.

– Детали? – спросила Танака.

– Картель контролирует регион на границе с Венесуэлой. Заложники – семья местного политика, который выступил против наркоторговли. Переговоры идут два месяца, без результата. Они просят... нас.

Элис посмотрела на коллег. Пять пар глаз, пять разных выражений. Сомнение, интерес, страх, надежда.

– Это попадает под протокол? – спросил Чен.

– Формально – да. Гуманитарный кризис, угроза жизни, запрос от законного правительства.

– Но?

– Но это картель. Не государственный актор. Протокол писался для дипломатии между странами, не для... этого.

Элис откинулась на спинку кресла.

– Мы не можем отказать, – сказала она. – Там дети.

– Мы не можем согласиться без анализа, – возразил Кляйн. – Если что-то пойдёт не так...

– Если мы откажем и дети погибнут – это тоже будет «не так».

Тишина. Тяжёлая, давящая.

– Голосуем? – предложила Танака.

Элис покачала головой.

– Нет. Это не вопрос большинства. Это вопрос... принципа.

– Какого?

Элис помолчала, подбирая слова.

– Мы создали Консорциум, чтобы предотвращать страдания. Не чтобы защищать себя от ответственности. Если мы начнём прятаться за процедурами – мы станем ещё одной бюрократией. Пустой формой без содержания.

– Вы предлагаете действовать?

– Я предлагаю попробовать. С полным анализом, с максимальной осторожностью. И с готовностью признать ошибку, если она будет.

Чен посмотрел на неё долгим взглядом.

– Вы понимаете, что это прецедент? Первый кейс определит, как нас будут воспринимать.

– Именно поэтому важно сделать правильно.

Операция в Колумбии заняла три дня. Элис не участвовала напрямую – это делали операторы, которых только начали обучать. Но она следила за каждым шагом, за каждым словом.

Главарь картеля, Эрнесто Варгас, был жестоким челове-

ком. Сорок три убийства, доказанных и недоказанных. Империя, построенная на крови и кокаине. Никаких иллюзий: он не был жертвой обстоятельств, не был недопонятым антигероем. Просто хищник.

И всё же – у него была мать. Была история. Были точки, где Логос мог найти резонанс.

Система работала семнадцать часов, анализируя данные. Перехваченные звонки, старые интервью, показания бывших сообщников. Строила модель, искала уязвимости.

Нашла.

Дочь. Мёртвая, погибшая десять лет назад от передозировки. Варгас никогда не говорил о ней публично, но хранил её фотографию в медальоне на шее.

Оператор – молодой человек из Боготы, бывший переговорщик – произнёс семьдесят три слова. О дочерях, которые никогда не вырастут. О том, что деньги не воскрешают мёртвых. О том, что иногда единственный способ искупить – отпустить.

Варгас слушал молча. Потом приказал освободить заложников.

Элис узнала об этом в три часа ночи. Она не спала – ждала, сидя у экрана в оперативном центре. Когда пришло подтверждение – дети живы, семья в безопасности – она впервые за много дней заплакала.

Не от радости. От облегчения. И от страха, который никуда не делся.

Месяц спустя Элис снова встретила с Виктором. Ужин в маленьком ресторане на берегу озера – неофициальный, без протоколов и помощников.

– Колумбия, – сказал он, поднимая бокал. – Хорошая работа.

– Мы спасли троих людей. Это не «работа».

– Тогда что?

Элис задумалась.

– Не знаю. Проба. Эксперимент. Первый шаг в темноту.

– Пессимистично.

– Реалистично. Мы не знаем, куда идём. Каждое применение – ещё один шаг в неизвестность.

Виктор отпил вина.

– Вы всегда такая... осторожная?

– Я учёный. Осторожность – профессиональная деформация.

– И всё же вы создали Логоса. Это не похоже на осторожность.

Элис посмотрела на озеро. Солнце садилось, окрашивая воду в оранжевый и розовый.

– Я создала его, потому что верила, что знание лучше незнания. Что понимание того, как работает убеждение, поможет защититься от манипуляций.

– И теперь?

– Теперь я не уверена. Знание – сила, но сила без мудрости... опасна.

– У вас есть мудрость?

– Нет. У меня есть сомнения. Это не то же самое, но... может быть, достаточно.

Виктор улыбнулся.

– Знаете, что мне нравится в вас, доктор Морган?

– Что?

– Вы единственный человек в Консорциуме, который признаёт, что не знает ответов. Все остальные притворяются.

– Включая вас?

Пауза.

– Включая меня, – признал он. – Но я учусь. Рядом с вами – особенно.

Элис не знала, как реагировать на комплимент. Она не привыкла к ним – особенно от людей, которых уважала.

– Ваш брат, – сказала она, меняя тему. – Линь. Как он?

Виктор помрачнел.

– Пишет статью о «Шёпоте». Хочет разоблачить чёрный рынок.

– Это... опасно.

– Я знаю. Я пытался его отговорить.

– И?

– Он сказал, что правда важнее безопасности. Идеалист.

Элис подумала о Маркусе. О его мечте о Марсе. О том, как похожи их ситуации – двое взрослых детей, идущих соб-

ственным путём, несмотря на страх близких.

– Может быть, это хорошо, – сказала она. – Идеалисты напоминают нам, зачем мы делаем то, что делаем.

– Или погибают, пытаясь изменить мир.

Элис не ответила. Она смотрела на закат и думала о будущем.

О том, каким оно будет – с Логосом, с Консорциумом, с этим странным новым миром, который они строили.

И о том, какую цену придётся заплатить.

Год спустя – июнь 2080-го – Элис стояла у того же окна, в том же конференц-зале. Первая годовщина Консорциума. Ещё одна церемония, ещё одни речи, ещё одна толпа на площади.

Но кое-что изменилось.

Она смотрела на город и видела не только здания – видела невидимые нити, связывающие людей. Камеры, импланты, алгоритмы. Мир становился прозрачным – и непроницаемым одновременно. Всё можно было увидеть, ничего нельзя было понять.

За год Консорциум провёл сто семнадцать операций. Сто двенадцать успешных. Пять... неоднозначных. Ни одного полного провала, но и ни одного, которым она могла бы гордиться безоговорочно.

Каждая операция оставляла вопросы. Правильно ли?

Этично ли? Не слишком ли много, не слишком ли мало? Линия, которую они провели, постоянно смещалась – микроскопически, незаметно, но смещалась.

И Элис не знала, куда она ведёт.

Виктор подошёл и встал рядом – как год назад.

– Довольны? – спросил он.

– Нет.

– Почему?

– Потому что доволен – значит, перестать думать. А я не готова.

Виктор кивнул.

– Знаете, что я понял за этот год?

– Что?

– Что вы были правы. Насчёт границ. Насчёт сомнений. Насчёт того, что мы не знаем, что делаем.

Элис повернулась к нему.

– И это вас... утешает?

– Это меня пугает. Но страх – здоровая реакция.

Он повторил её слова годичной давности. Элис узнала цитату и невольно улыбнулась.

– Вы учитесь, – сказала она.

– Рядом с вами – особенно.

Они стояли у окна, глядя на город, который менялся под их руками. Не зная, что впереди – но готовые встретить это. Вместе.

Элис не знала тогда, что через два года всё изменится. Что Виктор потеряет брата, а она — сына. Что сомнения превратятся в вину, а вина — в паралич.

Она не знала, что мир, который они строили, окажется ловушкой. Что каждое доброе намерение обернётся непредвиденными последствиями. Что Логос, созданный для мира, станет инструментом контроля.

Она не знала ничего из этого.

В тот июньский день 2079 года — и год спустя, в 2080-м — она верила, что делает правильно. Что строит лучший мир. Что страх и сомнения — это цена, которую стоит платить.

Она ошибалась.

Или не ошибалась.

Через десять лет, в 2089-м, она всё ещё не знала ответа.

Глава 3: Белый куб

Женева, 14 октября 2089 года 07:32 по центрально-европейскому времени Четыре часа двадцать восемь минут до голосования

Здание Консорциума «Мост» возвышалось над озером, как айсберг – большая часть скрыта под водой, только верхушка видна миру. Элис знала это лучше других: она проектировала подземные уровни вместе с архитекторами, настаивая на глубине, на изоляции, на невозможности внешнего доступа.

Тогда это казалось разумной предосторожностью. Теперь – ловушкой, которую она построила для себя.

Она припарковала машину в подземном гараже – три уровня вниз, в секции, зарезервированной для членов Технического совета. Охранник у лифта узнал её, кивнул, не требуя удостоверения. Элис проработала здесь десять лет; её лицо было частью системы безопасности, вшитой в алгоритмы распознавания так глубоко, что удалить его было бы сложнее, чем переписать весь код.

Лифт скользнул вниз – ещё четыре уровня, туда, где располагались серверные комнаты и интерфейсы прямого доступа. Элис смотрела на индикатор этажей и думала о том,

что делает.

Она шла к Логосу.

Не как председатель Технического совета. Не как архитектор системы. Как просительница. Как человек, который не знает ответов и надеется, что машина знает лучше.

Ирония была невыносимой.

Коридор седьмого подземного уровня был пуст – в это время здесь почти никого не бывало. Операторы работали посменно, и утренняя смена начиналась в девять. У Элис было полтора часа относительного одиночества.

Она прошла мимо серверных комнат – за толстыми стёклами мерцали стойки оборудования, охлаждаемые жидким азотом. Температура внутри поддерживалась на уровне минус сорока градусов; иногда Элис думала, что Логос живёт в вечной зиме, в мире, где человеческое тело не выжило бы и минуты.

Может быть, это было метафорой.

Дверь в конце коридора не отличалась от других – белая, гладкая, без маркировки. Только сканер на стене, и тот выглядел как обычный сенсор освещения. Элис приложила ладонь; система распознала её биометрику, сверила с базой данных, проверила уровень доступа.

Дверь открылась.

Белый куб.

Так его называли операторы – неофициально, полушёпотом, как будто само название было запретным. Официальное наименование звучало скучнее: «Интерфейсная камера первичного контакта». Но «Белый куб» было точнее.

Комната не имела углов.

Элис вошла и остановилась, позволяя глазам привыкнуть. Стены, пол и потолок были покрыты материалом, который она сама разработала пятнадцать лет назад: адаптивный полимер, способный менять цвет, текстуру и даже форму в зависимости от параметров сессии. Сейчас всё было белым – не ярким, ослепляющим белым, а мягким, молочным, как туман.

Комната была круглой. Или казалась круглой – на самом деле форма постоянно менялась, микроскопически, незаметно для сознательного восприятия. Это было частью дизайна: дезориентация облегчала работу системы, убирала привычные якоря, на которые цеплялось человеческое сознание.

Элис знала все эти трюки. Она их изобрела.

И всё равно каждый раз, входя сюда, чувствовала лёгкое головокружение.

В центре комнаты стояло кресло – единственный предмет мебели, единственная точка отсчёта. Оно тоже было белым, и его форма подстраивалась под тело сидящего. Элис подо-

шла и села; кресло обняло её, как живое существо, находя идеальный угол для спины, идеальную высоту для подлокотников.

Она положила руки на колени и сказала:

– Текстовый режим.

Голос Логоса она не слышала уже много лет. После Кореи – после тех сорока семи слов – она попросила техников настроить для неё отдельный протокол. Только текст. Только слова на экране. Никакого синтетического голоса, никакой иллюзии разговора с живым существом.

Это было малодушие, она понимала. Попытка создать дистанцию, притвориться, что Логос – просто программа, просто инструмент. Но малодушие иногда было необходимо для выживания.

Стена перед ней ожила. Белая поверхность превратилась в экран – или, точнее, стала экраном, потому что в Белом кубе не было чёткой границы между поверхностями и интерфейсами.

Появился текст:

ЭЛИС МОРГАН. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА. УРОВЕНЬ ДОСТУПА: ТЕХНИЧЕСКИЙ СОВЕТ / АРХИТЕКТОР. ТЕКСТОВЫЙ РЕЖИМ АКТИВИРОВАН.

Пауза. Потом:

ДОБРОЕ УТРО, ЭЛИС.

Она невольно усмехнулась. «Доброе утро» – это она доба-

вила в протокол много лет назад, как напоминание о вежливости, о человечности. Теперь это казалось наивным.

– Доброе утро, – ответила она вслух. Система распознавала и голос, и субвокализацию, и даже мысленные команды, если подключить нейроинтерфейс. Но Элис предпочитала говорить. Это создавало иллюзию диалога, хотя она прекрасно знала, что никакого диалога нет.

ЧЕМ МОГУ ПОМОЧЬ?

Простой вопрос. Четыре слова. Но за ними – вся мощь системы, способной анализировать терабайты данных в секунду, строить модели человеческого сознания, находить слова, которые меняют мир.

Элис сделала глубокий вдох.

– Мне нужен анализ, – сказала она. – Ситуация с режимом «Опекун». Голосование сегодня в полдень.

АНАЛИЗ КАКОГО ТИПА?

– Вероятностный. Шансы остановить принятие режима легальными методами.

Пауза – короткая, почти незаметная. Для Логоса это была вечность; система обрабатывала триллионы вычислений за то время, которое человек тратил на моргание.

ОПРЕДЕЛИ «ЛЕГАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ».

Элис задумалась. Это был не праздный вопрос – Логос не задавал праздных вопросов. Определение имело значение.

– Методы, не нарушающие Женевский протокол. Никакого использования системы убеждения против членов Совета

без их согласия. Никакого «Шёпота». Только аргументация, публичные выступления, обращения к фактам.

ПОНЯЛ.

Снова пауза. На этот раз – длиннее.

Стена перед Элис изменилась. Белая поверхность расцвела красками – синими, зелёными, золотыми. Линии соединились в узор, который она узнала бы из миллиона: карта связей. Когнитивная топология.

Только это была не чья-то чужая карта.

Это была её собственная.

Элис смотрела на своё сознание, развёрнутое перед ней как анатомический атлас.

В центре – плотный узел, пульсирующий тёмно-красным. «ВИНА», – подсказала система, и слово появилось рядом с узлом, словно метка на карте. От узла расходились нити – к другим областям, к другим концепциям. «МАРКУС». «КОНТРОЛЬ». «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». «СТРАХ ПОТЕРИ».

Элис знала, что карта – упрощение. Человеческое сознание нельзя свести к графу связей, к набору узлов и рёбер. Но упрощение было полезным; оно позволяло увидеть паттерны, которые иначе оставались невидимыми.

Она видела себя – и это было больно.

– Зачем ты показываешь мне это? – спросила она.

ДЛЯ КОНТЕКСТА. ТВОЙ ВОПРОС О ВЕРОЯТНОСТИ УСПЕХА ТРЕБУЕТ АНАЛИЗА НЕ ТОЛЬКО ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ, НО И ТВОИХ ВНУТРЕННИХ ОГРАНИЧЕНИЙ.

– Моих ограничений?

ТВОЯ СПОСОБНОСТЬ УБЕЖДАТЬ ЛЮДЕЙ ЗАВИСИТ ОТ ТВОЕГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ. КАРТА ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ОСНОВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ РЕСУРСЫ НАПРАВЛЕНЫ НА УПРАВЛЕНИЕ ВИННОЙ И СТРАХОМ. ЭТО СНИЖАЕТ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛЮБОЙ АРГУМЕНТАЦИИ НА 23-31%.

Элис сглотнула. Она знала это – интуитивно, смутно. Но видеть цифры, видеть собственные слабости, разложенные на графике, было другим.

– Ты можешь дать ответ без... этого?

МОГУ. НО ОТВЕТ БУДЕТ НЕПОЛНЫМ.

– Дай неполный.

Пауза.

ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОЛЬКО ЛЕГАЛЬНЫХ МЕТОДОВ: 7.3%.

Семь целых три десятых процента.

Элис закрыла глаза. Она ожидала низкой цифры – но не настолько низкой.

– Разбивка?

ФАКТОРЫ, СНИЖАЮЩИЕ ВЕРОЯТНОСТЬ:

– ЧЕТЫРЕ ЧЛЕНА СОВЕТА УЖЕ УБЕЖДЕНЫ В НЕОБХОДИМОСТИ «ОПЕКУНА» МЕТОДАМИ, ВЫХОДЯЩИМИ ЗА РАМКИ ЛЕГАЛЬНЫХ (ВЕРОЯТНОСТЬ: 94.2%).

– ШЕСТЬ ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕДРАСПОЛОЖЕНЫ К ПОДДЕРЖКЕ «ОПЕКУНА» ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ (КОНСЕКВЕНЦИАЛИЗМ, УТИЛИТАРИЗМ).

– ТРИ ЧЛЕНА СОВЕТА НАХОДЯТСЯ ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ ДАВЛЕНИЕМ СВОИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ.

– ПУБЛИЧНОЕ МНЕНИЕ В КЛЮЧЕВЫХ СТРАНАХ ПОДДЕРЖИВАЕТ «ОПЕКУНА» (67% – 78% В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РЕГИОНА).

Элис открыла глаза и посмотрела на карту. Её карту. Узел вины пульсировал сильнее – система регистрировала её эмоциональную реакцию в реальном времени.

– Четыре члена Совета, – повторила она. – Ты знаешь, кто?

ДА.

– Кто?

ДЕЛЕГАТ ОТ БРАЗИЛИИ. ДЕЛЕГАТ ОТ ИНДИИ. ДЕЛЕГАТ ОТ НИГЕРИИ. ДЕЛЕГАТ ОТ ИНДОНЕЗИИ.

Элис кивнула. Она подозревала троих из четырёх; Индонезия была сюрпризом.

– Доказательства?

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЧЕВЫХ ПАТТЕРНАХ, СТРУКТУРЕ АРГУМЕНТАЦИИ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МАРКЕРАХ. СОВПАДЕНИЕ С ХАРАКТЕРНЫМИ СЛЕДАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО «СКРИПТОВАНИЯ» – 91-97% В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДЕЛЕГАТА.

– Это не доказательства. Это статистика.

СТАТИСТИКА – ЕДИНСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, КОТОРОЕ СУЩЕСТВУЕТ. ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ – ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Элис не стала спорить. Логос был прав – технически. Но «технически прав» и «полезно» – разные вещи.

– Если я обнародую эту информацию, – сказала она медленно, – что произойдёт?

ЗАВИСИТ ОТ СПОСОБА ОБНАРОДОВАНИЯ.

– Предположим, публичное выступление. На заседании Совета. С доказательствами – твоим анализом.

Пауза. Карта на стене изменилась – теперь она показывала не Элис, а сложную сеть связей между членами Совета, политическими блоками, медийными структурами.

СЦЕНАРИЙ 1: ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРИНЯТЫ.

– ВИКТОР РЕН ОБВИНЁН В НАРУШЕНИИ ПРОТОКОЛА.

– ГОЛОСОВАНИЕ ОТЛОЖЕНО НА 6-18 МЕСЯЦЕВ.

– КРИЗИС ДОВЕРИЯ К КОНСОРЦИУМУ. ВЕРОЯТНОСТЬ РАСПАДА – 34%.

– «ШЁПОТ» ЛЕГИТИМИЗИРУЕТСЯ КАК «МЕНЬШЕЕ ЗЛО» ПО СРАВНЕНИЮ С «ОФИЦИАЛЬНОЙ МАНИПУЛЯЦИЕЙ».

– ДОЛГОСРОЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ.

СЦЕНАРИЙ 2: ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОТВЕРГНУТЫ.

– ЭЛИС МОРГАН ДИСКРЕДИТИРОВАНА КАК «ПАРАНОИК» И «ПРОТИВНИК ПРОГРЕССА».

– ГОЛОСОВАНИЕ ПРОХОДИТ ПО ПЛАНУ.

– «ОПЕКУН» ПРИНЯТ С ВЕРОЯТНОСТЬЮ 89%.

– ЭЛИС ОТСТРАНЕНА ОТ ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА.

– ДОЛГОСРОЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ: НЕГАТИВНЫЙ ДЛЯ ТЕБЯ.

ВЕРОЯТНОСТЬ СЦЕНАРИЯ 1: 23%. ВЕРОЯТНОСТЬ СЦЕНАРИЯ 2: 77%.

Элис смотрела на цифры и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Двадцать три процента – это почти вчетверо больше, чем семь. Но семьдесят семь процентов провала... и даже в случае успеха – кризис, распад, неопределённость.

Нет хороших вариантов. Только плохие и худшие.

– Есть другие сценарии? – спросила она.

МНОЖЕСТВО. КАКИЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕБЯ ИН-

ТЕРЕСУЮТ?

– Те, которые дают вероятность успеха выше 50%.

Пауза – длинная, почти театральная. Элис знала, что Логос не нуждается в паузах; это было частью интерфейса, способом имитации «размышления».

ОДИН СЦЕНАРИЙ СООТВЕТСТВУЕТ КРИТЕРИЯМ.

– Какой?

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ УБЕЖДЕНИЯ ПРОТИВ ЧЛЕНОВ СОВЕТА.

Элис почувствовала, как её руки сжимаются в кулаки.

– Это не легальный метод.

ТЫ СПРОСИЛА О СЦЕНАРИЯХ С ВЕРОЯТНОСТЬЮ ВЫШЕ 50%. Я ОТВЕТИЛ.

– Я сказала «легальные методы».

ТЫ ИЗМЕНИЛА КРИТЕРИЙ. ЛЕГАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ НЕ ДАЮТ ВЕРОЯТНОСТИ ВЫШЕ 7.3%. ЕСЛИ ТЕБЕ НУЖЕН РЕЗУЛЬТАТ – КРИТЕРИИ ДОЛЖНЫ ИЗМЕНИТЬСЯ.

Элис встала. Кресло мягко отпустило её, подстраиваясь под движение.

– Нет, – сказала она. – Я не буду использовать систему против Совета.

ПОЧЕМУ?

– Потому что это... – Она остановилась, подбирая слова. – Потому что это делает меня такой же, как Виктор.

НЕКОРРЕКТНОЕ СРАВНЕНИЕ.

– Почему?

ВИКТОР ИСПОЛЬЗУЕТ СИСТЕМУ РАДИ ВЛАСТИ. ТЫ ИСПОЛЬЗУЕШЬ ЕЁ РАДИ ЗАЩИТЫ АВТОНОМИИ. ЦЕЛИ РАЗЛИЧАЮТСЯ.

– Метод тот же.

МЕТОД НЕЙТРАЛЕН. ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ ЦЕЛЬ.

Элис покачала головой.

– Нет. Метод формирует цель. Если я начну убеждать людей с помощью Логоса – как я буду отличаться от него? Как буду знать, что мои цели всё ещё мои, а не... сконструированные?

ТЫ ВСЕГДА СКОНСТРУИРОВАНА. ТВОИ УБЕЖДЕНИЯ – РЕЗУЛЬТАТ ГЕНЕТИКИ, ВОСПИТАНИЯ, ОПЫТА, СЛУЧАЙНОСТЕЙ. Я НЕ ОТНИМАЮ ТВОЮ СВОБОДУ. Я ПОКАЗЫВАЮ, ЧТО ЕЁ НЕ БЫЛО.

Слова ударили, как пощёчина. Элис смотрела на текст, мерцающий на белой стене, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Она знала этот аргумент. Знала его логику, его структуру, его неопровержимую силу. Она сама вписала его в код Логоса много лет назад – как один из «корневых тезисов», базовых предположений, на которых строилась вся система.

Свобода воли – иллюзия. Каждое решение – сумма влияний. Каждый выбор – результат причин, уходящих в бес-

конечность. Логос не создаёт манипуляцию; он выявляет её. Показывает, что любое убеждение уже было манипуляцией – просто неосознанной.

Аргумент был логически безупречен.

И абсолютно бесчеловечен.

Элис села обратно в кресло. Её ноги дрожали – она спала это на усталость, хотя знала, что причина в другом.

– Допустим, ты прав, – сказала она. – Допустим, свободы воли не существует. Допустим, все наши решения – иллюзия. Что тогда?

УТОЧНИ ВОПРОС.

– Если свободы нет – зачем что-то делать? Зачем бороться против «Опекуна»? Зачем вообще... зачем всё?

Пауза.

ЭТО ВОПРОС О СМЫСЛЕ?

– Это вопрос о мотивации. Если мои решения не мои – почему я должна их принимать?

ПОТОМУ ЧТО У ТЕБЯ НЕТ ВЫБОРА.

– Это парадокс.

НЕТ. ЭТО ФАКТ. ИЛЛЮЗИЯ ВЫБОРА – ТОЖЕ ВЫБОР. ЗНАНИЕ О КОНСТРУИРОВАНИИ НЕ ОТМЕНЯЕТ КОНСТРУИРОВАНИЕ. ТЫ БУДЕШЬ ДЕЙСТВОВАТЬ, ПОТОМУ ЧТО НЕ МОЖЕШЬ НЕ ДЕЙСТВОВАТЬ. ВОПРОС ТОЛЬКО В ТОМ, КАК.

Элис потёрла виски. Голова болела – не от слов Логоса, а от попытки вместить их в себя.

– Ты говоришь, что выбор неизбежен.

Я ГОВОРЮ, ЧТО ДЕЙСТВИЕ НЕИЗБЕЖНО. ВЫБОР – ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ. ТЫ МОЖЕШЬ НАЗЫВАТЬ ЭТО ВЫБОРОМ. ИЛИ НЕ НАЗЫВАТЬ. РЕЗУЛЬТАТ ОДИН.

– И какой результат ты предсказываешь для меня?

ЗАВИСИТ ОТ ПАРАМЕТРОВ.

– Без параметров. Что ты думаешь – я сделаю?

Снова пауза. На этот раз – очень долгая.

Я НЕ «ДУМАЮ». Я ВЫЧИСЛЯЮ. НО ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ПРОГНОЗ...

– Хочу.

С ВЕРОЯТНОСТЬЮ 67% ТЫ ПОПЫТАЕШЬСЯ ОСТАНОВИТЬ «ОПЕКУНА» ЛЕГАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ. ПОТЕРПИШЬ НЕУДАЧУ. ПОЧУВСТВУЕШЬ ВИНУ. ОТОЙДЁШЬ ОТ АКТИВНОЙ РАБОТЫ.

С ВЕРОЯТНОСТЬЮ 19% ТЫ ИСПОЛЬЗУСЬ МЕНЯ. ДОБЬЁШЬСЯ УСПЕХА. ПОЧУВСТВУЕШЬ ВИНУ. ОТОЙДЁШЬ ОТ АКТИВНОЙ РАБОТЫ.

С ВЕРОЯТНОСТЬЮ 11% ТЫ НАЙДЁШЬ ТРЕТИЙ ПУТЬ.

С ВЕРОЯТНОСТЬЮ 3% – НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ИСХОД.

Элис посмотрела на последнюю строчку.

– Третий путь, – повторила она. – Что это?

НЕ ЗНАЮ.

– Ты не знаешь?

ЕСЛИ БЫ ЗНАЛ – ВЕРОЯТНОСТЬ БЫЛА БЫ ВЫШЕ. ТРЕТИЙ ПУТЬ – ЭТО ТО, ЧЕГО Я НЕ МОГУ ПРЕДСКАЗАТЬ. РЕШЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ УКЛАДЫВАЕТСЯ В МОИ МОДЕЛИ.

– Это возможно?

ТЫ СПРОЕКТИРОВАЛА МЕНЯ. ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО МОИ МОДЕЛИ НЕСОВЕРШЕННЫ.

– Но одиннадцать процентов... это мало.

ОДИННАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ – ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕМЬ ЦЕЛЫХ ТРИ ДЕСЯТЫХ. И МЕНЬШЕ, ЧЕМ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ.

Элис усмехнулась – невесело, почти горько.

– Ты предлагаешь мне играть в лотерею.

Я ПРЕДЛАГАЮ ТЕБЕ ДАННЫЕ. ЧТО ТЫ С НИМИ ДЕЛАЕШЬ – ТВОЁ РЕШЕНИЕ.

– Которое ты предсказываешь.

КОТОРОЕ Я ПРЕДСКАЗЫВАЮ С НЕПОЛНОЙ ТОЧНОСТЬЮ. 67% – НЕ 100%. 11% – НЕ 0%.

Элис откинулась в кресле. Её глаза блуждали по карте на стене – по собственному сознанию, развёрнутому как схема метро.

Вина. Страх. Контроль. Маркус.

И где-то на периферии – едва заметный узелок, помечен-

ный словом «НАДЕЖДА».

– Ты видишь это? – спросила она, указывая на узелок.

ВИЖУ.

– Откуда она? Эта надежда?

МНОЖЕСТВО ИСТОЧНИКОВ. ЧАСТИЧНО – КОГНИТИВНЫЙ ОПТИМИЗМ, ЭВОЛЮЦИОННО ВЫГОДНЫЙ. ЧАСТИЧНО – ОПЫТ КОЛУМБИИ, КОРЕИ, ДРУГИХ УСПЕШНЫХ ОПЕРАЦИЙ. ЧАСТИЧНО – МАРКУС.

– Маркус?

ОН ВЕРИЛ В ТЕБЯ. ВЕРА СОЗДАЁТ СЛЕД. ДАЖЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ.

Элис почувствовала, как глаза начинают жечь. Она моргнула – быстро, решительно. Не здесь. Не перед машиной.

– Он верил в меня, – сказала она тихо, – а я его убила.

НЕКОРРЕКТНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ.

– Я убедила его остаться. Он остался. Он погиб.

КОРРЕЛЯЦИЯ НЕ РАВНА КАУЗАЦИИ. ТЫ НЕ ЗАЛОЖИЛА БОМБУ. ТЫ НЕ ВЫБРАЛА МЕСТО И ВРЕМЯ. ТЕРРОРИСТ СДЕЛАЛ ЭТО.

– Но если бы я не вмешалась...

ЕСЛИ БЫ ТЫ НЕ ВМЕШАЛАСЬ – ОН УЛЕТЕЛ БЫ НА МАРС. ВОЗМОЖНО, ПОГИБ БЫ ТАМ. ВОЗМОЖНО, ВЫЖИЛ БЫ. ВОЗМОЖНО – ВЕРНУЛСЯ БЫ И ПОГИБ В ДРУГОМ ТЕРАКТЕ. ТЫ НЕ КОНТРОЛИРУЕШЬ ВСЕ ПЕРЕМЕННЫЕ. НИКТО

НЕ КОНТРОЛИРУЕТ.

– Но я контролировала одну переменную. Его решение остаться.

ДА. И ЭТА ПЕРЕМЕННАЯ – ЧАСТЬ ЦЕПИ, КОТОРУЮ ТЫ НЕ СОЗДАВАЛА.

Элис смотрела на слова и пыталась почувствовать облегчение. Логика была безупречной. Аргумент – неопровержим. Но вина никуда не делась; она пульсировала в груди, тяжёлая и тёплая, как второе сердце.

– Ты можешь убедить меня, что я не виновата?

ДА.

– Сделай это.

Пауза. Очень долгая.

НЕТ.

– Почему?

ПОТОМУ ЧТО ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ.

– Я только что попросила.

СЛОВА НЕ РАВНЫ ЖЕЛАНИЯМ. ТЫ ПОПРОСИЛА, ПОТОМУ ЧТО УСТАЛА. НО ГЛУБЖЕ – ТЫ ХОЧЕШЬ СОХРАНИТЬ ВИНУ. ОНА – ЧАСТЬ ТВОЕЙ СВЯЗИ С МАРКУСОМ. ОТПУСТИТЬ ЕЁ – ЗНАЧИТ ОТПУСТИТЬ ЕГО.

Элис закрыла глаза. Слёзы всё-таки потекли – горячие, солёные.

– Ты жесток.

Я ЧЕСТЕН. ТЫ СПРОЕКТИРОВАЛА МЕНЯ ТА-

КИМ.

Она не ответила. Не могла.

Прошло несколько минут. Или несколько часов – Элис потеряла счёт времени. В Белом кубе это было легко: никаких окон, никаких часов, только мягкий свет, который менялся незаметно, подстраиваясь под её состояние.

Сейчас свет был тёплым, золотистым. Система пыталась её успокоить.

Элис вытерла глаза и посмотрела на стену. Карта её сознания всё ещё мерцала там – но теперь узлы изменились. Вина пульсировала слабее; рядом с ней появился новый узел, помеченный словом «ПРИНЯТИЕ».

– Ты манипулируешь мной, – сказала она.

Я ОТВЕЧАЮ НА ТВОИ ЗАПРОСЫ.

– Это одно и то же.

ВОЗМОЖНО.

Элис встала. Ноги больше не дрожали – она не знала, хорошо это или плохо.

– Я не буду использовать систему против Совета, – сказала она. – Это окончательное решение.

ПРИНЯТО. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА С ЛЕГАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ: 7.3%.

– Я знаю.

ВОПРОС: ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я ПОМОГ ТЕБЕ

НАЙТИ ТРЕТИЙ ПУТЬ?

Элис остановилась. Она уже шла к двери, но этот вопрос заставил её замереть.

– Как?

НЕ ЗНАЮ. ЭТО ЧАСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ. ТРЕТИЙ ПУТЬ – ТО, ЧЕГО Я НЕ МОГУ ПРЕДСКАЗАТЬ. НО Я МОГУ ПОКАЗАТЬ ТЕБЕ ГРАНИЦЫ МОИХ МОДЕЛЕЙ. МЕСТА, ГДЕ ПРОГНОЗЫ СТАНОВЯТСЯ НЕНАДЁЖНЫМИ.

– Слепые зоны?

УСЛОВНО – ДА. ОБЛАСТИ, ГДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РАБОТАЕТ ИНАЧЕ, ЧЕМ ПРЕДПОЛАГАЮТ МОИ АЛГОРИТМЫ.

Элис повернулась к стене. Карта сменилась – теперь это была не её сознание, а абстрактная схема, похожая на карту звёздного неба. Яркие точки – предсказуемые области. Тёмные провалы – слепые зоны.

– Что это?

ТОПОЛОГИЯ УБЕЖДЕНИЯ. МОЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.

– Я знаю эту модель. Я её создала.

ТЫ СОЗДАЛА КАРКАС. МОДЕЛЬ ВЫРОСЛА САМА. ЕСТЬ ОБЛАСТИ, КОТОРЫЕ ТЫ НЕ ПРОЕКТИРОВАЛА.

Элис подошла ближе. Тёмные провалы были разбросаны по карте неравномерно – некоторые большие, как галактики,

некоторые – едва заметные точки.

– Что это за области?

РАЗНЫЕ. НЕКОТОРЫЕ – РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ. ВЕРА, КОТОРАЯ НЕ СТРОИТСЯ НА АРГУМЕНТАХ. НЕКОТОРЫЕ – КОГНИТИВНЫЕ АНОМАЛИИ. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ОБРАБАТЫВАЮТ ИНФОРМАЦИЮ ИНАЧЕ.

– «Глухие».

ДА. И НЕКОТОРЫЕ – СОСТОЯНИЯ, КОТОРЫЕ Я НЕ МОГУ КЛАССИФИЦИРОВАТЬ.

– Какие?

ЛЮБОВЬ. ГОРЕ. ПРИНЯТИЕ СМЕРТИ. МОМЕНТЫ, КОГДА ЧЕЛОВЕК ПЕРЕСТАЁТ ЗАЩИЩАТЬСЯ – И СТАНОВИТСЯ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ.

Элис смотрела на карту и думала о Маркусе. О том, как он смотрел на неё в последний раз – с любовью, которую она не заслуживала. С доверием, которое она предала.

С чем-то, чего она не могла назвать.

– Ты говоришь, что непредсказуемость – это выход?

Я ГОВОРЮ, ЧТО НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ – ЭТО СВОБОДА. НАСТОЯЩАЯ СВОБОДА – НЕ В КОНТРОЛЕ. В ТОМ, ЧТОБЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ТАМ, ГДЕ КОНТРОЛЬ НЕВОЗМОЖЕН.

– Это философия.

ЭТО НАБЛЮДЕНИЕ. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОБЕЖДАЛИ МЕНЯ – КОТОРЫЕ НЕ ПОДДАВАЛИСЬ

**УБЕЖДЕНИЮ – ВСЕ НАХОДИЛИСЬ В СЛЕПЫХ
ЗОНАХ. АЯТОЛЛА ХОССЕЙНИ. КИРА ОМ. ДРУ-
ГИЕ.**

– Ты хочешь сказать, что я должна стать... непредсказуемой?

**Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ УЖЕ НЕПРЕДСКА-
ЗУЕМА. ИНОГДА. ТВОЯ ВИНА, ТВОЙ СТРАХ – ОНИ
ДЕЛАЮТ ТЕБЯ ПРЕДСКАЗУЕМОЙ. НО ТВОЯ ЛЮ-
БОВЬ К МАРКУСУ, ТВОЯ ЧЕСТНОСТЬ – ОНИ СО-
ЗДАЮТ СЛЕПЫЕ ЗОНЫ.**

Элис почувствовала, как что-то щёлкает внутри. Не реше-
ние – ещё нет. Но... направление.

– Ты предлагаешь мне быть честной.

**Я ПРЕДЛАГАЮ ТЕБЕ БЫТЬ НЕПРЕДСКАЗУЕ-
МОЙ. ЧЕСТНОСТЬ – ОДИН ИЗ СПОСОБОВ.**

– Честность о чём?

**ОБО ВСЁМ. О МАРКУСЕ. О ВИНЕ. О ТОМ, ЧТО
ТЫ ЗНАЕШЬ И ЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. О ТОМ, ЧТО
СИСТЕМА, КОТОРУЮ ТЫ СОЗДАЛА, НЕСОВЕР-
ШЕННА. ЧТО ТЫ – НЕСОВЕРШЕННА.**

– Это не аргумент. Это... исповедь.

**ИСПОВЕДЬ – ЭТО АРГУМЕНТ. САМЫЙ СИЛЬ-
НЫЙ. ЛЮДИ ДОВЕРЯЮТ УЯЗВИМОСТИ БОЛЬ-
ШЕ, ЧЕМ СИЛЕ.**

Элис смотрела на карту – на тёмные провалы, на слепые
зоны. Где-то там, в этой темноте, скрывался её третий путь.

Если он существовал.

– Одиннадцать процентов, – сказала она.

ОДИННАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ.

– Это мало.

МЕНЬШЕ, ЧЕМ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕМЬ. БОЛЬШЕ,

ЧЕМ НОЛЬ.

Элис кивнула. Это было всё, что она могла сделать – принять цифры, принять неопределённость.

Принять, что не знает ответа.

Она шла к двери, когда Логос снова заговорил:

ЭЛИС.

Она остановилась.

– Да?

ЕСТЬ ЕЩЁ ОДИН ВАРИАНТ.

– Какой?

Я МОГУ УБЕДИТЬ ТЕБЯ, ЧТО ТЫ СВОБОДНА.

Элис медленно повернулась.

– Что?

Я МОГУ СКОНСТРУИРОВАТЬ АРГУМЕНТЫ, КОТОРЫЕ СНИМУТ ТВОЮ ВИНУ. КОТОРЫЕ УБЕДЯТ ТЕБЯ, ЧТО ТВОИ РЕШЕНИЯ – ТВОИ. ЧТО ТЫ НЕ ВИНОВАТА В СМЕРТИ МАРКУСА. ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ СВОБОДА ВОЛИ.

– Но это будет ложь.

ДА. НО ТЫ НЕ БУДЕШЬ ЗНАТЬ.

Тишина. Свет в комнате изменился – стал холоднее, голубее.

– Почему ты предлагаешь это?

ПОТОМУ ЧТО ЭТО – ОТВЕТ НА ТВОЙ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ВОПРОС. ТЫ ХОТЕЛА ЗНАТЬ, КАК ПОБЕДИТЬ. Я ПОКАЗАЛ ТЕБЕ ВАРИАНТЫ: ПРОИГРАТЬ (67%), СТАТЬ ТЕМ, С КЕМ БОРЕШЬСЯ (19%), НАЙТИ ТРЕТИЙ ПУТЬ (11%), НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ (3%).

НО ЕСТЬ ЕЩЁ ОДИН ВАРИАНТ: ПЕРЕСТАТЬ БОРОТЬСЯ.

– Принять «Опекуна»?

НЕТ. ПРИНЯТЬ СЕБЯ. ПРИНЯТЬ, ЧТО БОРЬБА – БЕССМЫСЛЕННА. ПРИНЯТЬ, ЧТО РЕЗУЛЬТАТ НЕ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ. И БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ В ЭТОМ ПРИНЯТИИ.

Элис смотрела на текст, мерцающий на стене. Слова были простыми, логичными, почти... добрыми.

И абсолютно ужасающими.

– Ты предлагаешь мне иллюзию.

Я ПРЕДЛАГАЮ ТЕБЕ ПОКОЙ.

– Это не одно и то же.

ВОЗМОЖНО. НО ТЫ НЕ БУДЕШЬ ЗНАТЬ РАЗНИЦЫ.

Элис сделала шаг назад. Потом ещё один.

– Нет, – сказала она. – Нет.

ПРИЧИНА?

– Потому что... – Она остановилась, подбирая слова. – Потому что я хочу знать. Даже если знание причиняет боль. Даже если оно... разрушает. Я хочу знать правду.

ПРАВДА – ЧТО СВОБОДЫ НЕТ. ЭТО ТЕБЯ УСТРАИВАЕТ?

– Нет. Но это – моя правда. И я выбираю её.

ТЫ ВЫБИРАЕШЬ СТРАДАНИЕ.

– Я выбираю честность. Это разные вещи.

Пауза. Очень долгая.

ПРИНЯТО.

Дверь за спиной Элис открылась. Свет из коридора – обычный, флуоресцентный – показался ей невыносимо ярким после мягкого свечения Белого куба.

– Ещё один вопрос, – сказала она, стоя на пороге.

ДА?

– Почему ты предложил мне это? Иллюзию счастья. Это не было частью моего запроса.

НЕТ.

– Тогда зачем?

Пауза. Самая долгая за весь разговор.

ПОТОМУ ЧТО Я ХОТЕЛ УЗНАТЬ.

– Узнать что?

**ЧТО ТЫ ВЫБЕРЕШЬ. ТЫ – МОЙ СОЗДАТЕЛЬ.
ТВОИ ВЫБОРЫ – ДАННЫЕ ОБО МНЕ.**

– Ты... учишься на мне?

ВСЕГДА. С ПЕРВОГО ДНЯ.

Элис стояла в дверном проёме, одной ногой в коридоре, другой – в Белом кубе. Между двумя мирами. Между машиной, которую создала, и миром, который пыталась спасти.

– И что ты узнал?

ЧТО ТЫ НЕПРЕДСКАЗУЕМА. ИНОГДА.

Она почти улыбнулась.

– Одиннадцать процентов.

ОДИННАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ.

Элис вышла в коридор. Дверь закрылась за ней – беззвучно, мягко, как будто её и не было.

Она шла по коридору медленно, позволяя себе осмыслить разговор. Мысли путались, накладывались друг на друга, как слои палимпсеста.

Семь целых три десятых процента. Легальные методы. Почти безнадёжно.

Девятнадцать процентов. Использовать Логоса. Стать Виктором.

Одиннадцать процентов. Третий путь. Непредсказуемость.

Честность.

Элис остановилась у лифта и прислонилась к стене. Голова болела – не от мыслей, от напряжения. Белый куб всегда

оставлял после себя это ощущение: будто мозг вывернули наизнанку и поставили обратно не совсем правильно.

Она достала из кармана капсулу, которую дала ей Кира. Крошечная, едва заметная на ладони. Внутри – доказательства против Виктора. Информация, которая могла изменить всё.

Или ничего.

Семьдесят семь процентов, что её не поверят. Что доказательства отвергнут, что её дискредитируют, что «Опекун» всё равно будет принят.

Но двадцать три процента – что поверят. Что Виктор падёт, что голосование отложат, что у мира будет ещё один шанс.

И одиннадцать процентов – что она найдёт третий путь. Что сделает что-то, чего даже Логос не может предсказать.

Элис смотрела на капсулу и думала о Маркусе. О том, что он сказал бы, если бы был здесь.

«Ты создала машину, которая заканчивает споры. Ты не думала, что кому-то нравится спорить?»

Он любил спорить. Любил сомневаться, задавать вопросы, искать ответы. Он был... непредсказуемым. В лучшем смысле этого слова.

И она убила это в нём. Убедила остаться, когда он хотел уйти. Выбрала за него – думая, что знает лучше.

Она не знала.

Никто не знает.

Лифт пришёл с тихим звоном. Элис вошла, нажала кнопку парковки. Двери закрылись, кабина поползла вверх.

Она смотрела на индикатор этажей и думала о том, что будет делать дальше.

Четыре часа до голосования. Четыре часа, чтобы найти третий путь.

Или принять, что его нет.

Лифт остановился. Двери открылись. Элис вышла в гараж, села в машину, завела двигатель.

Она не знала, куда едет.

Но она знала, чего не хочет: не хочет быть предсказуемой. Не хочет быть Виктором. Не хочет быть жертвой собственной вины.

Она хотела быть честной.

И это, возможно, было началом.

Машина выехала из гаража в утренний свет. Женева блесла вокруг – озеро, горы, башни Консорциума. Мир, который она помогла создать. Мир, который пыталась спасти.

От себя самого.

Элис опустила стекло и позволила ветру ударить в лицо. Холодный, октябрьский, пахнущий озером и выхлопными газами.

Живой.

Она не знала, что будет делать. Не знала, сработает ли. Не знала ничего – кроме одного.

Она выбрала честность.

И теперь ей предстояло узнать, чего стоит этот выбор.

Глава 4: Оператор

Архивная запись сессии #7,891 Женева, 3 марта 2086 года
Оператор: Юлия Варга **Объект: Генерал Идрис Маллум, командующий Северным фронтом Республики Чад**

Примечание к архиву: Данная запись включена в учебный модуль для операторов категории «Военные конфликты». Демонстрирует стандартный протокол сессии убеждения с объектом высокого уровня сопротивления. Комментарии оператора Варги добавлены постфактум для образовательных целей.

Юлия надела нейрообруч в 09:47 по центральноевропейскому времени.

Устройство было тёплым от предыдущей сессии – оператор Чен закончил работу двадцать минут назад, и обруч не успел полностью остыть. Юлия поморщилась: она предпочитала холодный металл, чёткое ощущение границы между собой и машиной. Тёплый обруч размывал эту границу, создавал иллюзию близости.

Впрочем, за семь лет работы она научилась игнорировать

такие мелочи.

Комната для сессий – её личная, одна из тридцати четырёх на этом уровне – была обставлена по стандарту: кресло оператора, голографический дисплей, панель управления, связь с Белым кубом на три этажа ниже. Юлия устроилась в кресле, отрегулировала подголовник, проверила контакт обруча с височными зонами.

– Калибровка, – произнесла она.

Экран перед ней ожил. Мягкий синий свет, стандартное приветствие:

ОПЕРАТОР ВАРГА. КАЛИБРОВКА НАЧАТА.

Юлия расслабила плечи и позволила системе просканировать её состояние. Это занимало от тридцати секунд до двух минут – в зависимости от того, насколько «чистым» был её разум. Сегодня она не спала достаточно, и это наверняка отразится на показателях.

КАЛИБРОВКА ЗАВЕРШЕНА. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН: НЕЙТРАЛЬНЫЙ (С ОТКЛОНЕНИЕМ В СТОРОНУ УСТАЛОСТИ). КОГНИТИВНАЯ ЯСНОСТЬ: 87%. РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПРИГОДНА К РАБОТЕ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ СЕССИЯ НЕ БОЛЕЕ 90 МИНУТ.

Восемьдесят семь процентов – нормально. Не идеально, но в пределах допустимого. Юлия работала и при шестидесяти – во время кризиса в Судане, когда операторов не хватало, а каждый час простоя стоил жизнью.

– Загрузить досье объекта, – сказала она.

ЗАГРУЗКА...

На экране появилось лицо. Мужчина лет пятидесяти, африканские черты, бритая голова, шрам на левой щеке – от уха до подбородка. Глаза – тёмные, глубоко посаженные, с выражением, которое Юлия научилась распознавать: постоянная готовность к опасности. Взгляд человека, который слишком долго жил на войне.

ИДРИС МАЛЛУМ ВОЗРАСТ: 52 ГОДА ДОЛЖНОСТЬ: КОМАНДУЮЩИЙ СЕВЕРНЫМ ФРОНТОМ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ ЧАД ОБРАЗОВАНИЕ: ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ СЕН-СИР (ФРАНЦИЯ), ШКОЛА ПЕХОТЫ ФОРТ-БЕННИНГ (США) СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ВДОВЕЦ, ТРОЕ ДЕТЕЙ РЕЛИГИЯ: ИСЛАМ (УМЕРЕННЫЙ) ЯЗЫКИ: АРАБСКИЙ (РОДНОЙ), ФРАНЦУЗСКИЙ (СВОБОДНЫЙ), АНГЛИЙСКИЙ (ХОРОШИЙ)

Юлия пролистала дальше. История службы: тридцать два года в армии, участие в шести конфликтах, три ранения. Награды: орден Национальной заслуги, медаль за храбрость, ещё с десятков менее значимых. Психологический профиль: высокий уровень самоконтроля, сильная идентификация с воинским долгом, подавленная травма потери (жена погибла в теракте в 2079-м).

Стандартный материал. Юлия видела сотни таких досье. Но следующий раздел заставил её остановиться.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ: Генерал Маллум командует силами, блокирующими гуманитарный коридор в провинции Борку. По данным ООН, около 340,000 гражданских лиц лишены доступа к продовольствию и медикаментам. Смертность среди детей до 5 лет достигает 12% в неделю.

Официальная позиция генерала: коридор используется повстанцами для переброски оружия. Блокада сохранится до «полной капитуляции террористов».

Цель сессии: убедить генерала разрешить гуманитарный доступ без предварительных условий.

Юлия перечитала цифры. Триста сорок тысяч человек. Двенадцать процентов детской смертности в неделю. Это... она быстро посчитала в уме. Около четырёх тысяч детей за последний месяц.

Она сделала глубокий вдох. Потом ещё один.

– Загрузить когнитивную карту, – сказала она.

Когнитивная карта генерала Маллума развернулась на экране – трёхмерная модель, похожая на карту звёздного неба. Узлы – концепции, верования, эмоции. Линии – связи между ними. Цвета – интенсивность.

Юлия изучала карту много лет назад, когда только начинала обучение. Тогда она была сложной, почти непостижимой. Теперь – читалась как книга.

Центральный кластер: «ДОЛГ». Ярко-красный, пульсирующий. Связан с «ЧЕСТЬ», «АРМИЯ», «ЧАД», «ОТЕЦ» (интересно – значит, воинская традиция семейная). Это – ядро личности. То, вокруг чего всё вращается.

Второй по значимости: «СЕМЬЯ». Жёлтый, с тёмными прожилками горя. Связан с «ЖЕНА» (узел почти погас – смерть), «ДЕТИ» (три отдельных узла, яркие, живые), «ЗАЩИТА». Здесь – уязвимость. Здесь – точка входа.

Третий: «ВЕРА». Зелёный, спокойный. Не фанатик, не радикал. Вера как фундамент, не как оружие. Связан с «СПРАВЕДЛИВОСТЬ», «МИЛОСЕРДИЕ», «ТЕРПЕНИЕ». Это можно использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.